

ISSN 2221-3260

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (31) 2016

www.theoreticaleconomy.info

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-42625 от 11 ноября 2010 г.

Учредитель журнала:

Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Первый заместитель главного редактора

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Вахрушев Д.С. (Москва, Россия)

Вахрушева Н.А. (Ярославль, Россия)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Кальсин А.Е. (Ярославль, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Ответственный секретарь

Ананьев А.А. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.info

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Новиков А.И. (Иваново, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Туманов Д.В. (Ярославль, Россия)

Усик Н.И. (Санкт-Петербург, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Содержание

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Открываем вторую пятилетку разработки и развития теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Альпидовская М.Л. К вопросу об экономических интересах или проблемы и перспективы развития современной России 8

Алиев У.Ж., Кемел М. Экономическая безопасность Казахстана через призму евразийской экономической интеграции 14

Нусратуллин В.К., Нусратуллин И.В. Экономическая теория – поиск фундаментальных оснований перспективного развития мировой экономики и мирового сообщества 20

РЕЦЕНЗИИ

Водомеров Н.К. Рецензия на книгу «Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее» (окончание) 35

Владимиров С.А. Опыт ОАО «Газпром» по управлению крупномасштабными инвестиционными проектами 58

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО-ЭКОНОМИСТА

Алиев У.Ж. Ответ на поздравления 66

ОТКРЫВАЕМ ВТОРУЮ ПЯТИЛЕТКУ РАЗРАБОТКИ И РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК НОВОГО ПАРАДИГМАЛЬНОГО МЕЙНСТРИМА

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Здравствуйтесь, уважаемый читатель!

Поздравляем Вас с наступившим новым 2016 годом, желаем Вам в нем новых удач и радостей и рассчитываем на продолжение нашей взаимной работы с Вами над освоением и дальнейшим развитием теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима!

Истекший 2015-й год был завершающим в первой пятилетке нашего общения с Вами, уважаемый читатель. Позади 30 номеров, сотни опубликованных работ, нацеленных на разработку теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима. За этот период достигнуты были некоторые формальные подвижки. По данным РИНЦа, мы значительно увеличили абсолютное значение импакт-фактора (индекс цитируемости в других изданиях), превзойдя по этому показателю более 95% из двух тысяч русскоязычных научно-экономических журналов, в том числе и большинство включенных в список ВАКа, и войдя в тысячу самых цитируемых журналов всех наук в нашей стране. Правда, как я уже отмечал [1, с. 7], эти формально-количественные измерители вовсе не являлись и не являются нашей самоцелью – они, видимо, приходят «сами собой», если сосредоточиться на содержательной задаче и привлекать читателей результатами в её решении. Так и будем делать в новом 2016 году и в целом во второй пятилетке нашей с Вами работе -общении.

Уважаемый читатель, мы представляем Вашему вниманию очередной номер нашего журнала, первый (тридцать первый), который является первым в шестом году нашего постоянного общения с Вами. И прежде всего обращаем Ваше внимание на первую по порядку работу в главной рубрике «Актуальные проблемы теоретической экономики». Это статья под названием «К вопросу об экономических интересах или проблемы и перспективы развития современной России». Её представила Марина Леонидовна Альпидовская, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономическая теория», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», действительный член Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания (МГУ им. М.В. Ломоносова), член редколлегии нашего журнала «Теоретическая экономика» (г. Москва, Российская Федерация). Она хорошо известна читателям нашего журнала: только за истекший год дважды выступала на его страницах [2; 3]. В новой статье она считает, что

набирающий обороты мировой системный кризис глобализовавшейся экономики стимулирует концептуальный поиск и не отрицает научную классику. Однако в настоящее время, замечает М.Л. Альпидовская, казалось бы, не существует настоящей потребности в хозяйственном опыте прошлых поколений и соответствующей ему научно-экспертной и исследовательской мысли. Фактическое проявление столь негативного состояния современной социально-экономической системы базируется на господствующих сегодня в научных кругах теоретических концепциях, являющихся отражением современной дерационализации сознания и поведения. А это, в свою очередь, происходит в условиях внешней дерационализации и хаотизации мировой экономики в рамках неолиберально-демократической модели. В таких условиях, показывает автор статьи, более актуальными становятся аспекты целостности, стабильности и качественного развития системы экономических интересов хозяйствующих субъектов как условия обеспечения воспроизводственных процессов в хозяйственных системах и экономике в целом. Как видите, эти положения М.Л. Альпидовской, действительно, органически вкладываются в русло наших коллективных усилий по развитию теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима с упором на классическую политэкономию при рассмотрении эндотерического аспекта исследуемых категорий.

Затем данную рубрику продолжает статья под названием «Экономическая безопасность Казахстана через призму евразийской экономической интеграции», которую представили Алиев Урак Жолмурзаевич, доктор экономических наук, профессор, вице-президент образовательной корпорации «Туран», (г. Астана, Республика Казахстан), президент Академии *metaepistemia univsum*, действительный член Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания (МГУ им. М.В. Ломоносова), член редколлегии журнала «Теоретическая экономика», и Кемел Мырзагелди, доктор экономических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, (г. Астана, Республика Казахстан). В их статье раскрываются смысловые содержания понятийного аппарата феномена «безопасности». Авторы обосновывают методологию подхода к исследованию теории указанной категории. В статье рассматриваются актуальные вопросы теории и типологии безопасности. Авторы раскрывают теоретические и методологические основы экономической безопасности страны. Особое внимание при этом они обращают на обоснование технологии обеспечения национальной экономической безопасности Казахстана в рамках евразийской экономической интеграции, что, согласитесь, и актуально, и практически значимо.

Завершает данную рубрику первая часть статьи (вторую предполагаем опубликовать в одном из следующих номеров) под названием «Экономическая теория – поиск фундаментальных оснований перспективного развития мировой экономики и мирового сообщества». Её авторы – Нусратуллин Вил Касимович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории ФГБОУ «Башкирский государственный университет» (г. Уфа, Российская Федерация) и Нусратуллин Ильмир Вилевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и индустрии гостеприимства Башкирского института социальных технологий (филиала) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений», (г. Уфа, Российская Федерация). С профессором В.К. Нусратуллиным читатель знаком по публикации в нашем журнале в ноябре 2014 года [4].

Представленная в этот раз статья наших башкирских коллег посвящена фундаментальным проблемам современного и будущего развития экономики, общества, мирового сообщества. Мир в настоящее время, отмечают авторы, находится на пороге двух альтернатив: 1) развиваться в дальнейшем по прихоти и интересам финансово-олигархической элиты мирового сообщества, или же: 2) выстраивая жизнь широких слоев населения в соответствии с их собственными интересами, мечтами и желаниями будущего развития. Авторы пытаются помочь в выборе альтернативы с позиции междисциплинарного системного подхода, раскрывая этапы и закономерности

эволюционного развития человечества как носителя общественного интеллекта, с точки зрения его будущего космического предназначения. Таким образом, данная работа находится в русле нашего коллективного поиска по развитию теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима.

В рубрике «Рецензии» публикуем в данном номере две работы. Во-первых, окончание работы «Рецензия на книгу «Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее» (начало и продолжение данной работы см. в № 5 (29) и 6 (30) нашего журнала за 2015 год). Автор данной работы – Водомеров Николай Кириллович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика» ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация), член редколлегии журнала «Теоретическая экономика». Считаю, что данная работа послужит дальнейшему развитию теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в плане исследования эндотерического аспекта рассматриваемых категорий.

Во-вторых, в этой же рубрику публикуется работа под названием «Опыт ОАО «Газпром» по управлению крупномасштабными инвестиционными проектами», которая представляет собой рецензию на книгу Ананенкова А.Г., Резниченко В.С., Чугунова Л.С., Ленинцева Н.Н. «Система управления разработкой и реализацией инвестиционных проектов и программ в корпорации и её дочерних обществах». Эту работу представил нам Владимиров Сергей Арсеньевич, доктор экономических наук, профессор кафедры общего менеджмента и логистики Северо-Западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», действительный член РАЕН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). В представленной работе автор знакомит с уникальным, по его мнению, опытом ОАО «Газпром» по управлению крупными инвестиционными проектами. Дана рецензия на справочное пособие, подготовленное авторским коллективом и посвященное указанной теме. Автор обращает внимание на актуальность и высокую практическую значимость этого пособия. В рецензируемой книге содержатся рекомендации по совершенствованию практики управления инвестиционными процессами с описанием корпоративных регламентов, методик, норм и нормативов в соответствии с российским законодательством. Поэтому автор считает, что эти рекомендации могут использоваться всеми отечественными корпорациями для повышения эффективности своей деятельности.

В заключительной рубрике – «Юбилей ученого-экономиста» – публикуется ответ У.Ж. Алиева всем, кто поздравил его с 70-летним юбилеем.

Таково основное содержание представленного Вашему мнению первого (тридцать первого) номера. В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением,

В.А. Гордеев

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев В.А. Повышаем научный уровень разработки и развития теоретической экономики / В.А. Гордеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info/articles/866.pdf>
2. Альпидовская М.Л. Информация о проведенной конференции в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации / М.Л. Альпидовская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info/articles/928.pdf>

3. Альпидовская М.Л. В чем могла бы состоять смена модели российской экономики? / М.Л. Альпидовская, Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info/articles/967.pdf>
4. Нусратуллин В.К. О необходимости новой парадигмы в экономической теории / Нусратуллин В.К. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info/articles/868.pdf>

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ ИЛИ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Альпидовская Марина Леонидовна

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», кафедра «Экономическая теория», действительный член Академии философии хозяйства
г. Москва, Российская Федерация. E-mail: morskaya67@bk.ru

Аннотация. Набирающий обороты мировой системный кризис глобализовавшейся экономики стимулирует концептуальный поиск и не отрицает научную классику. Однако в настоящее время казалось бы не существует настоятельной потребности в хозяйственном опыте прошлых поколений и соответствующей ему научно-экспертной и исследовательской мысли. Фактическое проявление столь негативного состояния современной социально-экономической системы базируется на господствующих сегодня в научных кругах теоретических концепциях, являющихся отражением современной дерационализации сознания и поведения. Что, в свою очередь, происходит в условиях внешней дерационализации и хаотизации мировой экономики в рамках неолиберально-демократической модели. В таких условиях более актуальными становятся аспекты целостности, стабильности и качественного развития системы экономических интересов хозяйствующих субъектов как условия обеспечения воспроизводственных процессов в хозяйственных системах и экономике в целом.

Ключевые слова: глобализация; системный кризис; постиндустриализм; капитализм; экономический рост; экономические интересы

Код УДК: 330.34

Annotation. The gaining momentum of the global systemic crisis of the global economy stimulates the conceptual scientific search and does not deny scientific classics. However it seems that there is no urgent need in the economic experience of past generations and the corresponding scientific expertise and research ideas. Actual manifestation of such a negative state of the current socio-economic system is based on a dominant theoretical concepts which reflect the modern derationalization of consciousness and behavior. In such conditions, aspects of the integrity, stability and qualitative development of economic interests are becoming more topical as a condition of maintenance of reproduction processes in economic systems and the economy as a whole.

Keywords: globalization; systemic crisis; post-industrialism; capitalism; economic growth; economic interests

Необходимо беспощадное понимание реальности, каким бы ужасающим оно ни было, иначе нас просто исключат из истории.

Александр Зиновьев

Набирающий обороты мировой системный кризис глобализовавшейся экономики – явление объективное. Кризис стимулирует концептуальный поиск и не отрицает научную классику. Однако в настоящее время будто бы не существует настоящей потребности в хозяйственном опыте прошлых поколений и соответствующей ему научно-экспертной и исследовательской мысли. Современная экономическая теория, чрезмерно увлечшись физикалистским¹ математическим подходом, отошла в сторону от чисто экономической, то есть хозяйственной действительности. Она превратилась по своей сути в правила азартной игры, по которым у участника-игрока в итоге всей его коммерческой (никак не хозяйственной) деятельности должно скопиться определённое количество условных игровых фишек, называемых деньгами. При этом научное познание социально-экономических явлений было подменено описанием их внешней видимости с приукрашиванием и замазыванием возникающих противоречий.

Собственно, отказ от абсолютного осмысления предмета исследования современной фундаментальной экономической науки отдаляет нас от возможности постигнуть всю глубину происходящих социально-экономических явлений, их проявлений и последствий.

Так, экономические условия существующего способа производства современной рыночной экономики неминуемо вызывают неравномерное развитие отдельных составных частей теперь уже глобализированной экономики. Это объясняется принципами эгоцентризма, заложенными в основе государственной политики развитых экономик Запада. В соответствии с этими принципами страны-метрополии стремятся поддерживать и увеличивать высокий социальный уровень своего населения, стараются закрепить стандарты высоких норм жизнеобеспечения за счёт дешёвой рабочей силы, материальных и сырьевых ресурсов всей остальной части международного сообщества.

Действительно, уклад иностранного монополистического капитала в лице горстки транснациональных корпораций осуществляет процесс воспроизводства в тех сферах и отраслях, которые непосредственно связаны с мировым (глобальным) капиталистическим хозяйством и экономикой развитых стран-метрополий. В результате такая политика не способствует преодолению экономической независимости стран периферийного капитализма. К тому же подавляющая часть прибавочной стоимости в форме прибылей, дивидендов, процентов, платежей за новые технологии, зарплат и премий топ-менеджеров перемещается за границу.

Отставание стран капиталистической периферии в научно-техническом отношении порождает особую форму их зависимости – технологическую зависимость, что в итоге выступает в качестве одного из важнейших факторов потери их экономического суверенитета вообще. Это подтверждается в настоящее время превращением информационных технологий в ключевой ресурс нарастающей глобализации (на самом деле – империализации) системы. Считанное число ТНК в погоне за лёгкими прибылями распределяет по всему миру инвестиции и производство. В результате «перевоза значительной части производственных мощностей» [1. с. 31], то есть *вывоза капитала*, с точки зрения автора популярного в наши дни очерка «Империализм, как высшая стадия капитализма» [2], написанного и изданного около 100 лет назад, в страны с дешёвой рабочей силой привёл некоторых деятелей современной западной и прозападной мысли и политики к выводу, что тяжёлая промышленность вовсе не имеет право на существование. Она должна исчезнуть, по крайней мере, из стран развитого Запада.

Многие сторонники теории постиндустриального общества могут возразить, что в Европе индустриальных, промышленных предприятий стало намного меньше, население занято другим трудом (если вообще чем-нибудь занято), производство сокращено, рабочие специальности крайне слабо пользуются спросом. Однако, само по себе сокращение количества индустриальных

¹ Физикализм – концепция логического позитивизма, которая разрабатывалась Карнапом, Нейратом и др. Сторонники физикализма ставят ценность какого-либо положения любой науки в зависимость от возможности перевести его на язык физики. Предложения, не поддающиеся такой операции, рассматриваются как лишённые научного смысла.

предприятий отнюдь не свидетельствует о том, что общество этот этап «переступило». Ибо население «постиндустриального» Запада потребляет товары, изготовленные на предприятиях «индустриального» мира. И только в мифах предметы изготавливаются за секунды, люди лишь только управляют машинами, а бремя непосильного физического труда несут заменившие рабочих-людей роботы и т.д. Процесс производства страны капиталистического «ядра» отдают на аутсорсинг в отсталые в научно-техническом отношении страны с низкооплачиваемой рабочей силой, обеспечивая с помощью финансовых механизмов возврат на свои потребительские рынки товаров, произведённых в этих странах [3]. «И пока «периферийные страны привыкали к выпавшему на их долю потогонному труду, скупке за бесценок их национального достояния, усечённым заработкам и чудовищно несправедливым условиям торговли, гладковыбритые руководители компаний из стран-метрополий срывали свои галстуки, распускали воротнички стильных сорочек и томились мыслями о духовном благополучии своих работников» [1. с. 31].

Итак, глобализация объективно вынуждала страны, развивающиеся «постиндустриально», которым неожиданно нелегко стало поддерживать все сектора хозяйства, переносить индустриальное производство в слабо индустриализированные регионы². В результате такой диффузии, колоссально облегчённой открытием границ для капиталов, и произошла передача части мощи от центра к периферии.

И, несмотря на содержательные речи о положительных сдвигах в структуре общественного производства, благодаря глобализовавшейся экономике, социально-экономическая отсталость развивающихся стран – реальность, не требующая доказательств. Она находит своё проявление в возрастающей поляризации имущественного неравенства, в неуклонном увеличении безработицы, в растущем пауперизме. Согласно данным экспертов Международного банка реконструкции и развития, численность «абсолютно бедных» растёт [4]. Сегодня их насчитывается более 1,5 млрд. человек.

В 1992 году в Рио-де-Жанейро прошла конференция ООН на высшем уровне, на которой 106 стран были представлены главами государств или правительств. На конференции уже тогда было признано, что человечество оказалось в тупике, и завёл его туда именно западный путь развития. Руководитель конференции Морис Стронг³ констатировал: «Стиль жизни богатых стран является основной опасностью нашему общему будущему... Наша модель производства и потребления поставила человечество на грань выживания» [5].

Один из важнейших выводов состоявшейся конференции ООН заключается в том, что модель развития, использовавшаяся богатыми капиталистическими странами мира, исчерпала себя. Интенсивное наращивание в рамках этой модели промышленного потенциала в значительной мере за счёт ограбления других стран и с нанесением огромного ущерба окружающей природной среде – это тупиковый, гибельный для человечества путь. На конференции прозвучала убеждённость в том, что либо общими усилиями будет спасён весь мир, либо погибнет вся цивилизация.

Фактическое проявление столь негативного состояния современной социально-экономической системы базируется на господствующих сегодня в научных кругах теоретических концепциях, являющихся отражением современной дерационализации сознания и поведения. Это, в свою

² Подобные процессы прямого переноса предприятий не был широко распространён в предшествующее столетие. Схожими являлись процессы сокращения сельскохозяйственного производства в странах Европы и бурного его роста в других государствах. В Европе в последней трети XIX – начале XX в. за счёт роста урбанизации доля сельского хозяйства сократилась, но в то же время потребности в продовольствии возросли. Это привело к быстрому развитию товарного сельского хозяйства (и в целом экономики) на периферии (в Австралии, России, Индии, Аргентине, на западе США).

³ Морис Ф. Стронг (родился 29 апреля 1929 года, Манитоба, Канада) – канадский бизнесмен, занимающийся добычей, переработкой и реализацией нефти и минеральных ресурсов, бывший дипломат, представлявший Канаду в качестве заместителя генерального секретаря Организации Объединённых Наций.

очередь, происходит в условиях внешней дерационализации и хаотизации мировой экономики в рамках неолиберально-демократической модели.

Ещё в 1989 году в свет выходит статья «Конец истории?», а чуть позже – в 1992 книга «Конец истории и последний человек» [6, 7] американского исследователя японского происхождения Фрэнсиса Фукуямы. Автор этих нашумевших бестселлеров писал о наступившей в мире неоспоримой победе идей экономического и политического либерализма. Но, так как, с его точки зрения, материальный мир определяется и имеет свою первооснову в мире идей – полная победа капитализма на всём земном шаре неизбежна. Капитализм есть наивысшее достижение человечества, дальше которого оно пойти не может и не пойдёт. В связи с чем с торжеством капитализма во всём мире наступит конец человеческой истории⁴. В то же самое время Ф. Фукуяма не является сторонником того, что в дальнейшем вообще не будут происходить какие-либо события. Поскольку от победы либерализма в сфере идей до его победы в реальном мире ещё далеко. Мир в это переходное время будет разделён на две части, утверждает он. Одна будет принадлежать уже к постистории, а другая – пока ещё к истории. Вследствие чего возможны конфликты в остающейся ещё исторической части мира, а также между постисторической и исторической его частями. Но всё это мелочи. «...Для серьёзного конфликта нужны крупные государства, все ещё находящиеся в *рамках истории*; а они-то как раз и уходят с исторической сцены... В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории». В целом наступает царство всеобщей мещанской радости и вечной скуки [8, с. 500].

Тем не менее вопреки Ф. Фукуяме имеются все предпосылки и основания полагать, что человечество в конце XX – начале XXI вв. вступило в период величайших потрясений, определяющих его будущее.

Сегодня столь необходимо и жизненно важно осмысление того, что теории изменяются вместе с трансформацией социально-экономического развития (или упадка) системы. Преобразуются, как и практика хозяйствования, так и люди, пытающиеся объективно (может быть и субъективно) обобщить эти изменения. Современные представления о необходимости экономического роста и всех его составляющих, таких как повышение ВВП, рост занятости и т.д., кардинально изменились в отдельных научных кругах.

Некоторые эксперты предлагают отречься от якобы всем набившего оскомину равенства «*экономический рост = занятость = благосостояние*». Следует отказаться от существующих теорий экономического роста с их упором на развитие производства. Именно так считают авторы программы «Проект экономического спада: манифест за безусловные дотации автономии» (*Un projet de décroissance: manifeste pour une dotation inconditionnelle de l'autonomie*) [9]. По мнению исследователей, отчаянная погоня за ВВП приведёт к тому, что действующая экономическая модель будет либо расти, либо умрёт... либо будет расти, а потом неотвратимо умрёт.

Единственным спасением в сложившейся ситуации может стать предлагаемая ими теория «*экономического спада*», направленная не только на защиту окружающей среды от разграбления, которому подвергает её производственная система. Первым «спадом» должно стать падение неравенства. В связи с чем авторы работы предлагают ввести безусловные дотации автономии, которая бы позволила «от рождения до смерти обеспечить человека всем необходимым для простой, но достойной жизни (жилье, питание, одежда, вода, энергия и подвижность)» [там же]. Эти

⁴ По утверждению Ф. Фукуямы, он не был первым учёным, провозгласившим грядущий конец истории. Пионером этой идеи являлся К. Маркс, однако считавшим, что неизбежен конец капитализма, но никак не истории, так как с наступлением эры коммунизма история человечества только начинается... Идея конца истории обосновывалась в своё время Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем, а в XX веке – русским философом, неогегельянцем Александром Владимировичем Кожевниковым (Кожевым).

дотации должны распределяться в виде прав на воду, электричество и жильё. Каждому будут выделены квоты на бесплатное пользование водой, электричеством и жильём, после превышения которых уже придётся выкладывать деньги. В дополнение к этим правам населению должна предоставляться определённая сумма денег в локальной валюте, на которые они могли бы покупать продукцию, в первую очередь продовольственную, у местных производителей, с уважением относящихся к человеку и природе. Остальное же должно выдаваться в евро так, чтобы все смогли продолжить вести торговлю за пределами своей территории.

Но самой главной целью представленной французскими учёными «программы» является отказ от трудовой деятельности как от первоочередной необходимости и первостепенной задачи любого человека. Благодаря дотациям граждане больше не будут зависеть от зарплат для удовлетворения своих основных потребностей. «Безусловные дотации призваны сделать так, чтобы работа перестала быть для нас главной целью, единственной основой общественных связей и единственным способом обеспечить себе достойную жизнь» [там же].

Не останавливаясь на достигнутом, авторы французского проекта в итоге рассматривают дотации как путь в сторону расширения бесплатного сектора, как путь выхода из *капитализма*. Однако возникает вопрос: от капитализма в сторону *какой* социально-экономической системы? Или опять по фукуямовски – к *концу истории*?

В одном из своих докладов академик Российской академии наук С.Ю. Глазьев, говоря о перспективах преодоления глобального кризиса и национальных стратегиях развития, обозначил три сценария дальнейшего развёртывания кризиса, запрограммированного внутренней логикой развития современной глобальной экономической системы [10]. Одним из сценариев был назван «инерционный». Он характеризуется нарастанием хаоса и разрушением многих социально-экономических институтов, как в ядре, так и на периферии мировой капиталистической системы.

Сегодня развитие событий идёт по инерционному сценарию, который сопровождается расслоением ведущих стран мира по глубине кризиса. Наибольший ущерб несут страны с открытой экономикой, в которых падение промышленного производства и инвестиций составило 15–30% [11]. Наряду с этим, страны, обладающие автономными финансовыми системами и ёмким внутренним рынком, защищённым от атак финансовых спекулянтов (такие как Индия и Китай), продолжают расти, при этом быстро увеличивая свой экономический «авторитет». При сохранении существующей глобальной финансовой системы могут возникнуть и возникают новые центры экономического роста в тех странах, которые будут играть существенную роль в формировании нового технологического уклада и «оседлать» новую длинную волну экономического роста.

Собственно, в такой достаточно трудной социально-экономической ситуации – в условиях глобализации и усиления конкуренции во всем мире наблюдается устойчивая тенденция к возникновению и укреплению региональных экономических объединений. Объединив в единое целое экономические интересы группы государств, возникает возможность небезуспешно действовать в глобальной экономике, развивать свою хозяйственную систему, получая при этом реальные конкурентные преимущества.

В сложившихся условиях становится невозможным дальнейшее развитие отечественной экономики на основе интенсивных факторов роста в рамках сырьевой модели, гипертрофированной роли финансового сектора, а также в опоре на сферу услуг. Требуется смещение приоритетов в сторону материального производства и развития реального сектора национальной экономики путём создания конкурентоспособных высокотехнологичных производств. А с учётом современного состояния мировой конкуренции задача новой индустриализации российской экономики означает не просто новый тренд в развитии, а единственный путь к сохранению социально-экономической жизнеспособности, суверенитета и независимости России.

Создание современных высокопроизводительных и высокотехнологичных производств невозможно путём использования классических механизмов экономической конкуренции как единственного залога успеха, путём ставки только лишь на частную предпринимательскую инициативу и свободу экономических действий в поисках более эффективных способов использования факторов производства.

Назрела острая потребность поиска внутренних движущих сил социально-экономического развития за счёт более эффективного функционирования и целеполагания хозяйственных систем, повышения общей составляющей в мотивационных факторах отдельных экономических субъектов и достижения общих синергетических эффектов реализации их интересов. Крайне важной становится слаженная система хозяйственных транзакций, в которую вовлечено множество различных агентов, с позиции эффективности её функционирования на основе системной взаимореализации экономических интересов.

Таким образом, более актуальными становятся аспекты целостности, стабильности и качественного развития системы экономических интересов хозяйствующих субъектов как условия обеспечения воспроизводственных процессов в хозяйственных системах и экономике в целом. Поскольку доминирующая форма экономического интереса определяет господствующую в экономике цель, то современной отечественной экономике нужна вовсе не конкуренция частных агентов и их интересов, а стратегическая реализация общего интереса на основе приоритета национальных (общественных), а не индивидуальных целей воспроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иглтон Т. Почему Маркс был прав / Терри Иглтон ; [предисл. М. Хазина ; пер. с англ. П. Норвилло]. – М. : Карьера Пресс, 2013. – 303 с.
2. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма : (популярный очерк) / В.И. Ленин. – М. : Политиздат, 1988. – 125 с.
3. Альпидовская М.Л. К вопросу о неравномерности в социально-экономическом развитии стран в эпоху глобализации мировой экономики / М.Л. Альпидовская // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 19 (160). – С. 2–8.
4. Всемирный банк установил новую черту бедности и уточнил численность бедного населения в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/state/2008/08/30/2578>
5. Горенштейн М. Золотой миллиард [Электронный ресурс]. – <http://www.proza.ru/2010/07/24/933>
6. Фукуяма Ф. Конец Истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2007. – 588 с.
8. Семенов Ю.И. Философия истории. Общая теория исторического процесса / Ю.И. Семенов. – М. : Акад. Проект, 2013. – 615 с.
9. Emmanuel D. Pour en finir avec le Dieu Croissance [Electronic recourse]. – Mode of access: <http://www.slate.fr/story/74453/daccroissant>
10. Глазьев С.О. стратегии модернизации и развития экономики России в условиях глобальной депрессии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.glazev.ru/econom_polit/269
11. Рост ВВП РФ в 2013 г. может составить до 3,3%, считает замглавы МЭР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20130228/925027312.html#ixzz2bBT9e5yr>

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАЗАХСТАНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Алиев Урак Жолмурзаевич

доктор экономических наук, профессор. Образовательная корпорация «Туран», вице-президент, действительный член Академии философии хозяйства, Философско-экономического собрания МГУ, президент Академии Metaepistemia Universum
г. Астана, Казахстан. E-mail: turpost@list.ru

Кемел Мырзагелді

доктор экономических наук, профессор. Евразийский национальный университет им. Л.Н Гумилева
г. Астана, Казахстан. E-mail: makekemel@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются смысловые содержания понятийного аппарата феномена «безопасности». Обосновывается методология подхода к исследованию теории безопасности. Рассматриваются актуальные вопросы теории и типологии безопасности. Раскрыты теоретические и методологические основы экономической безопасности страны. Обоснованы технологии обеспечения национальной экономической безопасности Казахстана в рамках евразийской экономической интеграции.

Ключевые слова: экономическая безопасность; интеграция; экономическая интеграция; евразийская экономическая интеграция; Евразийский экономический союз; исследование

Код УДК: 334.7

Annotation. Present article reveals the semantic content of a conceptual framework of «safety» phenomenon. Methodological approach of theory of safety research is substantiated. Topical issues of the theory and typology of safety are considered. Theoretical and methodological basis of economic security of the country are revealed. Technologies of providing national economic security of Kazakhstan within the Euroasian economic integration are proved.

Keywords: economic security; integration; economic integration, Eurasian economic integration, Eurasian Economic Community; research

История вопроса. Университетом «Туран» в свое время (1997) по предложению одного из авторов этой статьи (в качестве проректора по научной работе) была проведена первая республиканская научно-практическая конференция на тему «Национальная экономика Казахстана на рубеже нового тысячелетия: модернизация отечественного производства – политика «открытых дверей» – экономическая безопасность», материалы которой были опубликованы в отдельном сборнике [1]. На ней были обсуждены различные аспекты экономической безопасности страны,

послужившие впоследствии исходным материалом для многих исследовательских работ в виде кандидатских и докторских диссертаций, а также издания различных научных статей и монографий. Позже эта тема в более развернутом виде была доложена в другом научном форуме [2]. В данной же статье указанная тема авторами рассматривается через призму евразийской экономической интеграции (ЕАЭИ) в виде институционализированного Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Основные понятия. «Безопасность» – состояние защищенности жизненно важных интересов социума: личности, общества и мирового сообщества от внутренних и внешних угроз. Базовое понятие – «безопасность социума», а «национальная безопасность» – производное от него, «институционализированное» понятие. «Экономическая безопасность» – состояние, в котором экономическая система может самостоятельно определить и осуществить пути и формы защиты своих экономических интересов и своего экономического развития. «Национальная экономическая безопасность» – это экономическая безопасность нации, рассматриваемой как обществообразующей (государствообразующей) совокупности народов. «Интеграция» – объединение в целое каких-либо частей, элементов (противоположность – дезинтергация). «Экономическая интеграция» – процесс объединения двух и более государств и установление между ними устойчивых производственно-экономических связей на основе углубления международного разделения труда (специализации и кооперирования). Именно обеспечение национальной экономической безопасности Казахстана в рамках ЕАЭИ и ЕАЭС становится актуальнейшей проблемой с момента создания единого Таможенного союза (ТС) и самого ЕАЭС. Но вначале рассмотрим общие теоретико-методологические вопросы феномена безопасности вообще и экономической безопасности в частности.

Методологический подход к безопасности. Подход к проблеме безопасности предполагает выдвижение гипотезы, разработку теории, концепции, типологии, программы и технологии (механизма) обеспечения безопасности социума.

Гипотеза безопасности. Социум есть продукт и часть природы, и он как потенциально, так и актуально подвержен и космологическим, и антропогенным отрицательным воздействиям, а значит, социум всегда находится под определенной опасностью (угрозой), что «автоматически» порождает его защитную реакцию и заставляет принимать соответствующие действия по обеспечению своей безопасности. Здесь действует фундаментальный принцип: «Никто, нигде, никогда не находится в абсолютной безопасности». Отсюда вытекает следующий тезис: безопасность в ее абсолютном выражении – фикция. Речь может идти лишь об относительном ее выражении, т.е. о мере.

Теория и концепция безопасности. Главный субъект социума – человек, и ему, и любой социальной общности присущ главный природный инстинкт – самосохранение. Самосохранение осуществляется путем присвоения жизненных условий. А присвоение, в свою очередь, осуществляется путем: а) эгоизма (захвата, угроз, агрессии); б) альтруизма (взаимной помощи); в) нейтрального поведения. Эгоизм стремится (ведет) к опасности, а иногда, в своей крайней форме, к абсолютной опасности. Альтруизм – к безопасности. «Нейтралитет» (безучастие, невмешательство) – в одном случае – к опасности (если он исходит от глупых и неблагоразумных и основан на хитрости и обмане), а в другом – к безопасности (если он исходит от мудрых и благородных и основан на великодушии и бескорыстии). Первое – негативный нейтралитет по принципу «Бойся равнодушия» (Р. Гамзатов), второе – позитивный нейтралитет.

Переход от альтруизма (безопасность) к эгоизму (захват, угроза, агрессия, и как следствие – опасность) в межгосударственных отношениях в США получил 11 четких градаций. Эта группировка, на наш взгляд, в общем и целом применима к любому социуму – от отдельного человека до человеческого сообщества в целом. В этом плане земляне своими негативными антропогенно-цивилизационными (вовсе не культурными) действиями выступают в настоящее время «потенциальными агрессорами» Вселенной точно так же, как отдельные космические

объекты потенциально и реально могут выступать источниками угроз человеческому существованию в целом. Этому масса примеров. Отсюда «опасность-безопасность» надо вывести из двух начал: от «природы» самой естественной природы и от «природы» самого человека – его биологической природы (отнюдь не из его социально-духовной общности и сущности как собственно человека, противостоящей животной его природе).

Типология безопасности:

а) по критерию типов обществ:

- безопасность традиционного общества;
- безопасность гражданского общества;
- безопасность гуманистического общества;

б) по критерию масштабов опасности и безопасности:

- космологическо-антропогенная (глобальная);
- макрорегиональная;
- национальная;
- мезорегиональная;
- микрорегиональная;
- локальная (хозяйственные и иные самостоятельные образования);
- классово-стратная (отдельные социальные группы населения);
- семейная;
- индивидуально-личностная;

в) по критерию сфер угроз и безопасности:

- внутренняя;
- внешняя;
- симбиозная (внутренне-внешняя)

г) по критерию предмета (содержания) безопасности:

- экономическая;
- политическая;
- социальная;
- духовная;
- территориальная;
- военная;
- экологическая;
- информационная;
- интеллектуальная;
- демографическая;

- технологическая («ноу-хау»);
- психологическая;
- поведенческая;
- энергетическая;
- продовольственная;
- физическая;
- биомедицинская и т.д.

Типологию «опасности-безопасности» можно проводить и по другим критериям.

Программы и технологии безопасности. Каждый тип и вид безопасности требует, с одной стороны, особую программу и технологию ее обеспечения, а с другой – все они могут (должны) быть взаимодополняемыми и дать «синергетический эффект». Общая схема технологии безопасности примерно выглядит так: «качественное и количественное» определение потребностей и интересов социума (глобальных, национальных, субнациональных и т.д.) – качественное выявление угроз социуму – количественное определение опасности – формирование «образа врага (угроз)» – защита интересов социума посредством разработки концепции и реализации программы безопасности – обеспечение стабильной безопасности социума. Такая технология в полной мере применима и к экономической безопасности вообще и национальной экономической безопасности Республики Казахстан в особенности, которая, в сожалению, не реализуется в полной, системно-целостной форме, а значит эффективна не во всех ее выражениях.

Теоретические и методологические основы экономической безопасности. Дилемма «опасность-безопасность» в области экономики, в конечном счете, восходит к двум основным конкурирующим экономическим теориям и, соответственно, к двум типам экономической политики того или иного государства. Они следующие:

- **фритредерство** (от англ. free trade – свободная торговля) – экономическая теория и политика о требовании свободы торговли и невмешательства государства в экономическую (предпринимательскую) деятельность;
- **протекционизм** (от лат. protektio – покровительство, защита) – экономическая теория и политика, направленные на поощрение и защиту отечественной экономики и предпринимательства от иностранной конкуренции, на расширение внешних рынков.

Экономическая история человечества есть история бесконечных смен политики протекционизма на политику фритредерства и наоборот в явном и неявном виде. Что же касается «экономической безопасности», то каждая ступень человеческого общества имеет свое представление о ней и мере ее обеспечения.

Как самостоятельная теория и политика, «протекционизм» и фритредерство есть достояние XVI–XVIII вв., т.е. эпохи начала становления капиталистической рыночной экономики и так называемого «гражданского общества», тогда как проблема «экономической безопасности» как особого феномена прозвучала, начиная с середины XX столетия в связи с осмыслением геополитических и геоэкономических экспансионистских притязаний США и объективных границ так называемого «западного мейнстрима» (основное течение), основанного на экономической теории неоклассического толка (рыночного фундаментализма).

Исходный тезис. И фритредерство, и протекционизм (и безопасность, как было сказано выше) в их абсолютном выражении – тоже фикция, и в этом своем качестве представляют собой некую «черную дыру», проглатывающую все и вся без оставления никаких шансов на выживание. И тут

речь может идти лишь об относительном их выражении, т.е. о мере фритредерства и мере протекционизма.

Постановка проблемы. Какова мера фритредерства, мера протекционизма и мера безопасности в оптимальном их выражении, чтобы стабилизировать национальную экономику современного Казахстана и в будущем превратить эти три фактора в «три кита» устойчивого развития казахстанского общества в рамках мирового сообщества?

Политика фритредерства. Идея свободной торговли, а если шире – свободных мирохозяйственных отношений (МХО), внешнеэкономической деятельности (ВЭД), как известно, основана на экономическом анализе тех выгод, которые имеются от их либерализации как для отдельных стран, так и всего мирового хозяйства. Однако для того, чтобы определить реальное состояние или меру их свободы в Казахстане, предварительно необходимо выяснить, какой теории (концепции, модели) внешней торговли, МХО, ВЭД преимущественно придерживается наше государство, а именно: классической в виде концепции «абсолютных преимуществ» А.Смита; концепции «сравнительных преимуществ» Д.Рикардо; неоклассической концепции «факторов производства» Хекшера-Олина; модели «затраты-выпуск» В.Леонтьева; модели «увеличения числа факторов» эффективной внешней торговли (квалификация рабочей силы и инвестиции в образование, технология, предпринимательская способность) И. Крависа, Д. Кисина, Р. Бхарадваша; концепции, согласно которой основным субъектом внешнеторговых операций выступают не государство, не нация, а коммерческие предприятия, международные фирмы и транснациональные корпорации (Р. Робок, К. Симмондс, С. Линдер); концепции «цикла жизни продукта» (Р. Вернон, Л. Уэлс); концепции «международной конкурентоспособности нации» (М. Портер); концепции устойчивого экономического развития и др.

Предварительные выводы по фритредерству: а) политика фритредерства как средство устойчивого экономического развития выгодна прежде всего экономически развитым и наиболее развитым странам, нежели слаборазвитым (куда входит, к сожалению, и Республика Казахстан); б) практическую применимость той или иной модели фритредерства в Казахстане нужно решать с позиции реального его социально-экономического статуса как государства в реальном «индексе человеческого развития»; в) исходя из положений а) и б), необходимо критически пересмотреть многие институциональные нормы Таможенного союза (ТС), а также становящегося ныне Единого евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) относительно места и роли (экономического статуса) в них Казахстана с позиции его национальной экономической безопасности. Иначе говоря, особо насущным для нас является эффективное использование элементов протекционизма, а именно – теории и политики разумного протекционизма.

Политика разумного протекционизма. Чтобы реализовать принцип разумного протекционизма в Казахстане, прежде всего необходимо выяснить, какой (какие) из перечисленных ниже доводов может (могут) сыграть решающую роль в выборе такой политики:

- защита отечественной экономики для вовлечения в производство дополнительных, так называемых «неиспользованных факторов производства», особенно земли и рабочей силы, преимущественно в аграрных странах;
- временная защита становящейся отечественной индустрии в силу отсутствия соответствующих знаний и технологий, незначительного объема производства с последующим снятием этой защиты;
- поддержка старых действующих отраслей, большинство из которых являются неконкурентоспособными по сравнению с иностранными производителями, с целью недопущения дальнейшего спада производства (защита этнокультуры и этноэкономики страны);

- защита, поддержка имеющихся и создание новых рабочих мест с целью предотвращения массовой безработицы;
- защита и модернизация отечественного производства на инновационной основе с целью создания независимой от мировых и региональных циклов деловой активности и рыночных конъюнктур национальной экономики;
- покровительство собственного производства с целью реализации программы военно-политической независимости и создания отечественной оборонной промышленности;
- защита национальной экономики с целью обеспечения политической независимости страны;
- покровительство в целях сохранения стабильности национальной валюты;
- защита для достижения сбалансированного платежного баланса и т.д.

Из указанных причин протекционистской политики применительно к Казахстану, думается, одновременно срабатывает несколько из них, методом «наложения» друг на друга, а следовательно, формы и методы протекционистских мер должны носить динамичный и системно-синергетический характер, что подтверждается самой практикой государственного регулирования национальной экономики в целом и внешнеэкономической деятельности в частности ряда новых передовых стран мира в последние десятилетия. При этом, как нам представляется, «стержнем» разумной протекционистской политики РК в рамках ЕАЭИ и ЕАЭС выступает прежде всего «защита этнокультуры и этноэкономики страны», т.е. отечественного сельского хозяйства, а следовательно, его величества *АУЛА* (рус.–деревни), на которого можно и нужно «нанизывать» все другие составляющие устойчивого социально-экономического развития Казахстана [3].

Заключение. Для обеспечения **национальной экономической безопасности** Казахстана в рамках ЕАЭИ и ЕАЭС необходимо четко определить (и качественно, и количественно) масштабы и глубину внутренних и внешних угроз экономической безопасности, реальные (а не мнимые) их последствия, в том числе «удельный вес» неэффективно осуществляемой политики фритредерства (политики «открытых дверей») и протекционизма (в частности политики «адресной» приватизации, называемой в народе «прихватизация», особенно объектов стратегического назначения). Но, к сожалению, тема национальной безопасности, в том числе и экономической, только в самое последнее время начала обсуждаться открыто на официальном уровне, а потому мы делаем лишь первые, весьма робкие шаги как в теории и методологии, так и в практических сферах этой неизлудобнейшей и наиважнейшей проблемы для стабилизации и устойчивого развития национальной экономики Казахстана в новом тысячелетии в координатах как макрорегиональной, так и мировой истории интеграционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная экономика Казахстана на рубеже нового тысячелетия : модернизация отечественного производства – политика «открытых дверей» – экономическая безопасность : материалы науч.-практ. конф., 17–18 окт. 1997 г. – Алматы : Ун-т «Туран», 1997. – 260 с.
2. Алиев У.Ж. Национальная экономическая безопасность: методология и теория вопроса / У.Ж. Алиев // Национальная безопасность Казахстана: современные вызовы и угрозы : сб. материалов респ. науч.-практ. конф., 11 окт. 2013 г. – Астана : НИИ КНБ РК, 2013
3. Кемел М. Кооперация в аграрном секторе Казахстана: теория и практика становления и развития / М. Кемел. – Астана : [б. и.], 2003. – 324 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ – ПОИСК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Нусратуллин Вил Касимович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
кафедра общей экономической теории
г. Уфа, Российская Федерация. E-mail: nvk-ufa@rambler.ru

Нусратуллин Ильмир Вилович

кандидат экономических наук, доцент. Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУ профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»
кафедра менеджмента и индустрии гостеприимства
г. Уфа, Российская Федерация. E-mail: nvk-ufa@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена фундаментальным проблемам современного и будущего развития экономики, общества, мирового сообщества. Мир в настоящее время находится на пороге двух альтернатив: 1) развиваться в дальнейшем в интересах финансово-олигархической элиты мирового сообщества, или же: 2) выстраивать жизнь широких слоев населения в соответствии с их собственными интересами, мечтами и желаниями будущего развития. Авторы пытаются помочь в выборе альтернативы с позиции междисциплинарного системного подхода, раскрывая этапы и закономерности эволюционного развития человечества.

Ключевые слова: наука; эволюция; закон; материя; человечество; развитие; класс; кризис; преодоление

Код УДК: 330.101

Annotation. The article is devoted to the fundamental problems of the present and future development of the economy, society and the world community. The world is currently on the verge of two alternatives: 1) development on the whims and interests of the financial-oligarchical elite of the international community, or 2) building up the life of the general public in accordance with their own interests, dreams and desires for future development. The authors try to help in the selection of alternatives from the perspective of an interdisciplinary systemic approach by revealing stages and patterns of evolutionary development of mankind.

Keywords: science; evolution; law; matter; humanity; development; class; crisis; overcoming

В настоящее время вся планетарная система человеческого общежития все более и более входит в глубокий системный кризис, чреватый последующей глобальной катастрофой с самыми непредсказуемыми последствиями. Основные причины его заключаются не в каких-либо внешних по отношению к человеческому обществу обстоятельствах, в части которых на первый план обычно

выдвигают проблемы перенаселенности планеты, недостаточности производственных ресурсов, угрозы природных и техногенных катастроф и др. Напротив, на наш взгляд, они лежат в самом планетарном социуме, в конфликтно формируемых социальных, социально-экономических отношениях между людьми, их различными группами и сообществами. Негативные проявления таких отношений уже давно выплескиваются за рамки религиозных конфессий, национально-государственных образований, региональных союзов стран.

Причины формирования этих негативов и направления их обострения очевидны. В первую очередь они кроются в сфере распределения доходов и благ как внутри стран, так и между ними в рамках всего мирового сообщества. В настоящее время мировые производительные силы на основе эффективного использования природных ресурсов практически полностью и без всякого кризисного ажиотажа могут в соответствии с физиологическими нормами обеспечить полное удовлетворение материальных и духовных потребностей всех членов планетарного сообщества. Однако эта задача, начиная с относительно простого вопроса продовольственного обеспечения населения, до сих пор в необходимой мере не решена. Не только не решена, но и благодаря настойчивым действиям определенных, так называемых геополитических, игроков и не думает решаться. Все это происходит на фоне не менее настойчивых попыток прогрессивных сил планеты противодействовать кризисному ходу событий.

При этом создается впечатление, что вовлеченные в анализ и регулирование кризисных явлений субъекты и стороны не стремятся разобраться в истинных причинах системного кризиса и последствиях его разрастания с целью решительного противодействия его разворачиванию. И такое происходит при том, что регулярно появляется бесчисленное множество аналитических выкладок, прогнозов, концепций и теорий, нередко представляющих собой весьма разномастные точки зрения, исходящие, в том числе и от субъектов геополитического противостояния. Все это напоминает ситуацию со строительством Вавилонской башни людьми, говорящими на разных языках. В данном случае, на разных языках политического, экономического, социального и культурного общения. Очевидно, как справедливо утверждают специалисты, что человеческое общество еще не доросло до взаимного понимания друг друга в необходимости решения наиболее острых проблем в режиме консенсуса. И одной из причин этого является, на наш взгляд, несовершенство теоретических концепций в сфере социальных отношений, в том числе и экономических.

Хотя история экономических учений гласит, что многие положения экономической теории почерпнуты из области естественных наук, в первую очередь физики, тем не менее, и их проникновение в теоретическую экономику также до сих пор не привело к удовлетворительному объяснению сущности социально-экономических явлений, позволяющему обеспечить выработку достаточно эффективных предложений по их регулированию в обществе и мировом сообществе. И это несмотря на то, что естественные науки вполне приемлемо могут объяснить причины возникновения не только земного мироздания, но и космического, прогнозировать их развитие, в том числе и жизни на Земле, которая органически включает в себя те же социально-экономические отношения. Но, как и общественные науки, свое влияние на их развитие и совершенствование в достаточной мере оказать не могут. В чем же причина такого положения дел в социальной сфере человеческого общежития, на качественное состояние которой до сих пор слабое влияние оказывают веяния естественных наук с их современными высочайшими достижениями в своих областях, а также сами общественные науки?

Хотелось бы ответить на этот вопрос с точки зрения взаимопроникновения естественных и общественных наук. Может быть, такой подход хоть в какой-то мере затронет мысли и действия людей, в первую очередь тех, которые наделены соответствующей властью в решении глобальных и локальных кризисных проблем в обществе.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЖИЗНИ И ЗАКОНЫ ЕЕ ЕСТЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

О причинности возникновения и эволюции жизни на Земле. Исходя из поставленной задачи, изучение проблем эволюции в экономике и обществе требует их широкого рассмотрения в контексте разворачивания эволюционных процессов не только во времени, но и в контексте их формирования в других системах. И, самое главное, с точки зрения ответа на вопрос, а что же определяет их тенденции, кто, как бы, руководит ими? Не существует ли в человеческом обществе, как и в естественной природе, такого автоматического регулятора течения экономических и иных процессов, который был бы заключен в самом механизме их циклического эволюционного развития? Его назначение состояло бы в обеспечении своевременной адаптации социально-экономических систем к изменениям внешней и внутренней среды. Попытаемся ответить на эти вопросы, в том числе и с точки зрения естественных наук.

С учетом известного положения (второго начала) термодинамики о том, что «в замкнутой системе энтропия может только возрастать» [1, с. 207], а «возрастание энтропии замкнутой системы есть стремление системы к наиболее вероятному состоянию» [1, с. 425], можно сделать обратное предположение, что в открытой системе при поступлении энергии извне будут созданы необходимые условия возрастания негэнтропии. И стремление к этому процессу явится наиболее вероятным ее состоянием. Здесь надо учесть, что открытость системы означает обращенность ее к поступлению энергии не только извне, из внешней среды, но и изнутри, из внутренней среды, например, в планетарных системах в результате термоядерной реакции внутри планеты.

В контексте наших рассуждений важно заметить, что одним из последствий проявления и возрастания негэнтропии в рамках земного мироздания явилось появление биологической жизни. Главным побуждающим фактором возникновения жизни на Земле и эволюционных процессов ее развития явилась энергия – энергия термоядерной реакции самой планеты и поступающая извне солнечная энергия. Первый вид энергии соответственно превращался в теплоту и обеспечивал производство физических процессов по упорядочению поверхности планеты и подготовке ее к возникновению жизни. Второй – возрождение так называемой «органики» [1, с. 595–596]. Энергия Солнца, поступающая на Землю, в соответствии с первым началом термодинамики, преобразовывалась в ее внутреннюю энергию через процессы нагревания, фотосинтеза и т.п., а также производила соответствующую работу по активизации, например, вулканической деятельности, по формированию атмосферы и т.п., а также того «первичного бульона», в котором стали возникать органические соединения.

Воздействие указанных видов энергии на составные элементы материи Земли, с одной стороны, не всегда было стабильным, равномерным и устойчивым, заставляя их в соответствии с принципом Ле Шателье-Брауна¹ вырабатывать обратную реакцию на него, направленную на стабилизацию собственного существования как в виде косной материи, так и живой. С другой стороны, процессы поглощения и преобразования энергии проходили много лет под неусыпным воздействием одного из главных критериев эволюции систем, сформулированного Н.Н. Моисеевым, – принципа минимума диссипации энергии², что заставляло выживать и активизироваться тем системам, которые лучше всего соответствовали этому принципу.

¹ Суть принципа Ле Шателье-Брауна состоит в том, что при усилении внешнего или внутреннего воздействия на систему, находящуюся в устойчивом динамическом равновесии, в ней возникают процессы, направленные на компенсацию данного воздействия.

² «... Особую роль в мировом эволюционном процессе играет принцип минимума диссипации энергии. Сформулирую его следующим образом: если допустимо не единственное состояние системы (процесса), а целая совокупность состояний, согласных с законами сохранения и связями, наложенными на систему (процесс), то реализуется то ее состояние, которому отвечает минимальное рассеяние энергии, или, что то же самое, минимальный рост энтропии» [3, с. 27].

Поскольку систем, питающихся энергией, в рамках земного мироздания параллельно зарождалось и существовало множество, то их сосуществование требовало определенных правил совместного сожития. И они возникли в виде принципов эволюции, выразившихся в изменчивости, отборе и наследственности эволюционных признаков. Эти правила ускорили эволюцию сначала косных систем, их преобразование в живые системы, а затем и эволюцию их самих, доведя эволюционные процессы вплоть до возникновения в них интеллекта, вылившегося впоследствии в совокупности живых организмов в *единый общественный интеллект*.

В период существования лишь косной материи ее развитие обеспечивали, по существу, только принципы Ле Шателье-Брауна и минимума диссипации энергии. С зарождением жизни эти принципы пополнились и активизировались правилами эволюции, которые естественным образом ускорили процессы развития материи, обеспечивая развивающимся системам успешное выживание через их оснащение более лучшими механизмами освоения и экономии (минимизации диссипации) энергии. Благодаря этому они одновременно усложнялись, росли, увеличивалось их разнообразие и многообразие, что являлось следствием поглощения энергии, как необходимого условия упорядочения материи. Одновременно эти процессы приводили к повышению устойчивости и организованности систем, укреплению жизни на Земле.

О тяготении эволюции систем к стационарной траектории развития. Исходя из указанных положений современного естествознания, можно предположить, что экономическая система, как и любая другая в рамках их всевозможного разнообразия, эволюционно развивается, проходя через свои внутренние циклические фазы эволюционного развития – изменчивости, отбора и наследственности. Эти фазы имеют определенные амплитуды колебаний и в их рамках так или иначе обеспечивается адаптация системы к внешним воздействиям и внутренним расстройствам, выводящим ее из устойчивого положения. При этом нетрудно предположить, что эволюционирующая система, подчиняющаяся принципу Ле Шателье-Брауна, тяготеет к какой-либо устойчивой, стационарной траектории, поскольку именно в этом состоянии она способна обеспечить достижение своих целей кратчайшим путем. Это обеспечивается тем, что при взаимодействии с силами, так или иначе выводящими систему из устойчивого состояния, возникают чисто колебательные процессы балансирования в форме противодействия им для обеспечения возврата системы в устойчивое, стабильное состояние, что в динамике выливается в стремление системы вернуться обратно на стационарную траекторию. В природе механизм, обеспечивающий стационарное состояние, называется гомеостазом.

Такое стремление не всегда реализуется сразу и одномоментно. В зависимости от величины воздействия обратная реакция может растянуться на несколько эволюционных циклов развития системы, происходящих в виде развернутых во времени воспроизводственных процессов. Ну, а поскольку любая экономическая система никогда не может быть свободна от внешних или внутренних воздействий, то такой процесс адаптации к ним является постоянным закономерным явлением для нее, как эволюционирующей системы.

Таким образом, под воздействием внешних и / или внутренних факторов эволюционирующая система адаптируется к ним, причем не одномоментно, а проходя через циклические процедуры эволюционных приспособительных реакций. Система, проходя цикл своего развития, в той или иной мере видоизменяется, приспособляясь к величине и характеру воздействия, например, изменением технологии производства товара, внедрением новой техники или организации труда и т.п. Качество видоизменения отражается в товарах и через них проходит проверку своей жизнеспособности через принцип рыночного отбора, который либо «одобряет» его, либо забраковывает, не имея возможности обеспечить надежным потребительским спросом. Если видоизменение прошло рыночный отбор, то наследственно закрепляется в технико-технологическом и организационном процессе производства в следующих воспроизводственных циклах.

Входя в другой цикл, система учитывает величину и характер предыдущей адаптации с тем, чтобы установить параметры следующей приспособительной реакции. Реализуя новые параметры, входит в следующий цикл и т.д. Все это будет продолжаться до тех пор, пока система вновь не выйдет на стационарную траекторию, которая будет наилучшим образом удовлетворять требованию критерия – минимума диссипации энергии. При этом новый «стационар» не обязан совпадать с прежней стационарной траекторией. Главное для системы при движении ее по стационару – выдерживать критерий минимума диссипации энергии.

Система движется по стационару до тех пор, пока вновь не начнет испытывать существенные перегрузки со стороны внешней и / или внутренней среды. В этом случае система вновь включает свой адаптационный механизм, который в соответствии с принципом Ле Шателье-Брауна регулирует амплитуду прохождения фаз эволюционного цикла изменчивости, отбора, наследственности и т.д.

Об особенностях механизма эволюции в экономических и общественно-политических системах. Механизм адаптации и развертывания эволюции систем описанного типа характерен, по всей вероятности, для всех организованных систем, как биологических, так и экономических и других общественных систем. Например, для общественно-политических систем, систем государственного управления и регулирования и т.п. Их функционирование также носит преимущественно циклический характер, связанный с какой-либо временной периодичностью, например, периодичностью избирательного процесса, в котором можно выделить эволюционные аспекты подготовки выборов, как этапа реализации принципа изменчивости; проведения выборов – как этапа отбора. Затем промежуточная деятельность избранных руководящих структур представляет собой процесс закрепления полученной в результате подготовки и проведения выборов наследственности.

Если в результате этого деятельность руководящих структур будет эффективна, то наследственность закрепляется и в последующих воспроизводственных циклах эволюционного процесса, если неэффективна, то, как следствие, пройдет следующая более или менее значительная ротация кадров в результате новых выборов и т.д. Соответственно при прохождении нового цикла активизируется принцип изменчивости в избирательной системе, стремясь устранить некачественную наследственность.

В экономических и общественно-политических системах критерий минимума диссипации энергии приобретает разнообразные формы. Так, в технологическом аспекте в рамках общественного производства критерий минимума диссипации энергии выступает в виде минимума затрат ресурсов на единицу производимого товара. Или, что то же самое, в виде – максимума производства товара в расчете на единицу используемых в производстве ресурсов и т.п. Но вот в социальном аспекте этот критерий может сильно видоизменяться в зависимости от необходимости приспособления к разнообразным интересам субъективного свойства, которые зачастую приобретают противоречивый характер в зависимости от выражения интересов того или иного конкретного субъекта.

Например, при социализме перед производственными предприятиями он выступал в виде планового задания выполнить государственный план производства продукции, повышения производительности труда и т.п. В условиях рыночной экономики он уже принимает вид максимума прибыли для лиц предпринимательской деятельности, рентных доходов для абсентеистов³. В том и другом типе общественно-политического устройства для представителей наемного труда он приобретает вид максимума заработанных доходов в расчете на единицу затраченного труда и т.д.

³ Абсентеизм экономический – получение доходов (прибыли) от собственности на средства производства без непосредственного участия собственника в реальном секторе экономики в качестве личного фактора.

Таким образом, в качестве одного из главных внутренних факторов эволюции в экономической и общественно-политической системах вступает в действие субъективный фактор, который, благодаря обладанию интеллектом, как катализатором процессов, с которыми он соприкасается, имеет возможность оказывать активное влияние на характер и темпы эволюции социально-экономических систем в соответствии со своими субъективными интересами и критериями. Субъективный фактор в стремлении удовлетворить свои интересы, иногда претендует на то, чтобы обойти или преодолеть закономерные фазы эволюции, которые одновременно выступают и контролируемыми элементами ее организации. Эти попытки, безусловно, ускоряют процесс эволюции, если выступают синхронно с целевой функцией системы естественного порядка – стремлением к минимуму диссипации энергии. Но, если будут противоречить ей, то, в соответствии с принципом Ле Шателье-Брауна, будут наталкиваться на соответствующую противодействующую реакцию, которая станет тем сильнее, чем более воздействие субъективного фактора будет противоречить целевой функции.

Вполне можно допустить, что принцип Ле Шателье-Брауна может иметь и обратную реакцию на излишне активное и экспансионистское развитие живых, в частности, социально-экономических систем. И тогда последние сами могут испытывать противодействие окружающей среды, в частности, со стороны природных экосистем, что на самом деле и происходит в настоящее время на нашей планете, судя по увеличению природных и техногенных катастроф, изменению климата, возникновению эпидемиологического характера неизвестных болезней и т.д.

Внешние и внутренние воздействия на систему, в том числе и обратная реакция природных и других окружающих систем, могут превысить ее адаптивные возможности. Тогда, может случиться ситуация бифуркации системы, схода ее со стационарной траектории и даже разрушения.

Очевидно, что устойчивость системы к бифуркации пропорциональна ее размерам. Однако в природе возможно возникновение любой силы, которая способна ее обеспечить. Отличие живых систем, наделенных интеллектом, от косной материи и других форм жизни, не наделенных сознанием, состоит в том, что первые способны обеспечить себе более эффективные системы защиты от бифуркации любого уровня, начиная от отдельных социально-экономических систем национального или регионального масштаба и заканчивая защитными системами планетарного уровня.

И здесь роль общественного интеллекта, обладающего огромным потенциалом решения любых вопросов эволюционного развития, в том числе и самосохранения человечества от бифуркационных потрясений, однозначно велика. Однако эволюционное развитие самого интеллекта еще не достигло такого уровня, чтобы он своим потенциалом, как автоматический механизм, подобный принципу Ле Шателье-Брауна, был бы постоянно развернут в сторону отражения бифуркации.

Напротив, огромный потенциал общественного интеллекта очень часто выступает весьма противоречивым фактором эволюции. Он может быть направлен как в сторону созидания, так и в сторону разрушения социально-экономических систем и траекторий их развития. Поэтому очевидно, что сам интеллект планетарного масштаба должен эволюционировать в таком направлении, чтобы иметь внутренне присущее ему свойство предупреждать возможные бифуркации, преуменьшать и устранять их предпосылки, которые могут нарушить стабильный процесс эволюционного развития социально-экономических систем. Каким образом? Ответ на этот вопрос мы и попытаемся отыскать в рамках данного материала, в то же время, понимая, что он является предметом более глубоких исследований и не только в экономической теории.

2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – ФАКТОР ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ЭВОЛЮЦИИ

О сущности и назначении общественного интеллекта. «Отличие материи от энергии, которые совместно управляют миром, – отмечает Т.Я. Дубнищева, – состоит в весе: материя – весома, энергия – невесома» [1, с. 180]. С появлением биологической жизни, живой материи возник и интеллект. Он присоединился к управлению миром в пределах своей досягаемости, фактически превратив его из синергетической в кибернетическую систему. Отличие интеллекта от материи и энергии оказалось в том, что он не только невесом и неизмерим, но и обладает способностью биокатализатора в упорядочении систем, имея для этого практически безмерный потенциал роста.

Функционирование интеллекта заключается в мышлении, то есть в производстве знаний. Однако эти знания должны проявиться через труд, как целесообразную человеческую деятельность. При своем рождении в виде первичного продукта – информации – знания представляют собой совокупность знаков на каком-либо материальном носителе. Если они окажутся новыми, то будут представлять очередные достижения научной мысли, достижения НТП. То есть интеллект вначале выдает свой продукт – знания – посредством фиксации их в виде информации, которая может представлять собой, содержать в себе достижения НТП. Далее, этот продукт интеллекта вновь поступает в обработку трудом и может воплотиться в какое-либо научно-техническое решение – статью, монографию, опытный образец техники, технологии, организации производства. На следующем этапе эти продукты могут воплотиться в промышленные, производственные образцы, то есть реальные технологии, технику, организацию производства, обеспечивая конечный этап технологического превращения продукта интеллекта – знания – в конечный продукт общественного производства – произведенный и готовый к реализации товар.

В этой технологической цепочке реализации интеллекта через труд существует постоянная его нацеленность, им довлеет конечная цель – реализовать критерий минимума диссипации энергии. В общественном производстве он выражается в постоянном сокращении затрат материи и энергии на единицу произведенной конечной продукции посредством упорядочения ее исходных компонентов. Причем энергетическая ценность произведенной единицы конечного продукта в общем случае оказывается выше, чем его энергетическая ценность в предыдущих исполнениях. То есть при каждом технико-технологическом, организационном совершенствовании общественного производства произведенный им продукт в расчете на единицу требует затрат материи и энергии меньше при сохранении или увеличении своего энергетического потенциала. Нарушается ли при этом закон сохранения и превращения энергии (первое начало термодинамики)? Очевидно, что нет. Просто в результате той же материи и энергии черпается у природы (внешней среды) меньше в расчете на единицу искомого продукта.

Как было отмечено выше, в соответствии со вторым началом термодинамики (законом рассеяния энергии) любое поступление энергии извне потенциально направлено на производство негэнтропии в системе. Одним из элементов производства негэнтропии является и нацеленность системы к экономичному использованию поступающей энергии. Этот процесс контролируется принципом минимума диссипации энергии.

Природа этого явления – производства негэнтропии – представляет собой постоянно нарастающий каталитический процесс, когда в ходе эволюции систем постоянно возникают и используются каталитического характера элементы эволюции. В процессе зарождения жизни на Земле это выразилось в появлении вначале элементов, а потом и самой биологической жизни, основанной на бессознательном ускорении процессов упорядочения. Затем возникла сознательная жизнь с появлением человека и общественного интеллекта, который уже представлял собой весьма интенсивно и эффективно работающий биокатализатор макроэкономического общественного характера, нацеленный на ускорение процессов упорядочения в экономике и обществе.

Получается, что интеллект, разум был создан для того, чтобы продвинуть предел упорядоченности материи с ее косной структурой и рефлекторно настроенным органическим миром. Без интеллектуальной насыщенности весь цикл развития материи в сторону упорядоченности мог прерываться и прерывался с периодической регулярностью, зачастую преждевременно, с точки зрения развития какой-либо самоорганизации, причем катастрофически (синергетически). Поэтому природа и изобрела разум с тем, чтобы он научился разрабатывать преграды неупорядоченным флуктуациям и не допускать масштабных катастроф. Например, научился изготавливать лекарства, чтобы остановить повальные моры людей и других биологических популяций.

Вероятно, в упорядоченности природы и мироздания заключается жизнь, в их неупорядоченности – смерть независимо от масштабов вселенной и космоса. Движение в сторону упорядоченности – это развитие, а в сторону неупорядоченности, дезорганизации – это деградация и смерть. В этом, видимо, и заключается смысл жизни не только людей, как ноосферного планетарного сообщества, но и всей космической цивилизации.

Не является ли в таком случае *интеллект* самым, что ни на есть *главным показателем смысла жизни*, смысла мироздания, заключающегося в том, что его (интеллекта) рождение и развитие сопряжено с необходимостью появления эффективного инструмента эволюции материи в направлении расширения негэнтропийных процессов и систем, как ключевых элементов развития материи, подпитываемой космической энергией?

Интеллект как фактор эволюции планетарного социума и его преобразования из синергетической в кибернетическую систему. В социально-экономических системах общественный интеллект непосредственно взаимодействует с эволюционными процессами, принимая активное участие в их развитии, причем не всегда осознанно и не всегда в направлении стабилизации, хотя суть его предназначения состоит именно в активизации процессов эволюции. Причина этого состоит в том, что интеллект, оказавшись одним из продуктов эволюции, обладает свойством накапливать и вырабатывать знания, на основе которых становится тем самым эффективным фактором упорядочения систем, ускорителем процессов производства негэнтропии, активным катализатором процессов эволюции. В результате этого социально-экономические системы стремятся приобрести большую устойчивость, поскольку они, являясь производными от естественных природных систем, так же, как и они, могут испытывать серьезные непредсказуемые воздействия, способные даже иногда привести к катастрофическим разрушениям. И тогда весь созидательный «труд» эволюционных сил природы по их созданию может пропасть напрасно. Это касается не только природных систем, но и социальных, которые также являются продуктом эволюционного развития мироздания в течение миллионов и миллиардов лет. Интеллект с помощью своего потенциала созидания должен, по-видимому, преодолеть этот «казус» катастрофизма, обеспечивая сохранение эволюционных процессов и эволюционирующих систем.

Такое утверждение может быть справедливым не только относительно человеческой цивилизации и земной экосистемы, но и всего эволюционирующего космического пространства. Можно предположить, что интеллект, как природное явление, возник в качестве фактора противостояния хаосу, росту энтропии, выступая непосредственным механизмом и источником производства негэнтропии. Тем самым интеллект был призван стать и стал мощным фактором эволюции тех систем, с которыми он непосредственно соприкасается.

Природные системы в косной, а затем живой среде без интеллектуального спровождения обладали серьезными изъянами. Во-первых, эволюционные процессы носили чрезвычайно замедленный характер. Во-вторых, в состоянии такой замедленности они не могли выработать эффективную защитную реакцию от возмущений типа бифуркаций, которые приводили эволюционную систему к разрушению, что, в конечном счете, приводило к огромным потерям

энергии, затраченной на создание эволюционных систем. Это – катастрофически противоречило критерию минимума диссипации энергии, имея самые разрушительные последствия в целом для эволюционных процессов, так или иначе направленных в сторону выработки негэнтропии. То есть эволюция упорядочивает системы, вырабатывая негэнтропию, но разрушительные воздействия со стороны могут привести к гибели объектов негэнтропии и перевода их обратно в объекты энтропии.

С возникновением интеллекта появился мощный, можно сказать, биокатализатор, ускоряющий процессы образования негэнтропии. И если раньше система до его появления эволюционировала автоматически в соответствии с принципами Ле Шателье-Брауна и минимума диссипации энергии, то есть как синергетическая, то теперь она превращалась в кибернетическую, которая кроме автоматических регуляторов самоорганизации приобретала и управляющую подсистему, направляющую процессы самоорганизации в сторону активизации и сознательного регулирования. Теперь, с одной стороны, процессы эволюции стали идти быстрее и они ускорялись по мере совершенствования общественного интеллекта. С другой стороны, общественный интеллект начинал вырабатывать меры противодействия воздействиям катастрофического характера и успешно их реализовывать, стремясь не доводить их до бифуркации. В то же время и то, и другое не противоречит формуле самоорганизации самого интеллекта в соответствии с указанными принципами Ле Шателье-Брауна и минимума диссипации энергии.

Критерий упорядочения систем. Теперь, далее проникая в суть проблемы, можно задаться вопросом: в чем же заключается основной критерий организованных систем, в том числе и экономических, в их постоянном стремлении к своему упорядочению, самосовершенствованию, самоорганизации? Неужели, присоединяясь к креационистской точке зрения, надо предполагать, что истоком, направляющей силой такого стремления является всеобъемлющее субъективное начало, которое зачастую отождествляется с божественным?

На наш взгляд, все обстоит гораздо проще. Суть явления объясняется без всякого божественного вмешательства и состоит в нацеленности на результативность процессов упорядочения. Чем быстрее и качественнее с точки зрения соответствующих частных критериев происходит упорядочение, тем меньшее количество материи, энергии тратится на «производство» продукта жизнедеятельности систем, их эволюционного развития. И это касается систем любой природы тем, что обеспечивает реальную *энерго-материальную экономию* на производство одной и той же единицы продукции эволюционного развития. Ну, а поскольку эволюционные процессы происходят циклически, то, как заметил еще лауреат Нобелевской премии Манфред Эйген, «те циклы, которые работают быстрее и эффективнее, чем остальные, и «побеждают» в конкурентной борьбе» [1, с. 603].

Безусловно, те эволюционные циклы, которые побеждают в конкурентной борьбе за счет экономии ресурсов, те получают больший запас прочности и резервов для дальнейшей конкурентной борьбы. Для эволюционирующих систем это оказывается сильнейшим подспорьем обеспечения дальнейшей эволюции. А для тех из них, которые оказались в орбите неконкурентоспособных циклов, следствием окажется замедление эволюции, а то и ее прекращение.

Интересным в данном случае является то, что свойство энерго-материальной экономии как следствие упорядочения структур и ее элементов, как доказано специалистами, характерно не только для интеллектуальных систем, но и вообще для всех живых организмов и даже для косной и переходной форм организации материи [1, с. 595–610]. Отсюда можно предположить, что данное свойство или *критерий энерго-материальной экономии* в процессах эволюции является *всеобщим свойством материи*. Здесь вопрос, оставленный А.И. Опариным⁴ открытым в его теории, о том, что остается неясным, «как от сложных органических веществ перейти к простым живым

⁴ Опарин Александр Иванович (1894–1980) – советский биолог и биохимик, академик АН СССР. Выдвинул в 1922 г. материалистическую теорию возникновения жизни на Земле из абиотических компонентов.

организмам» [1, с. 598], снимается, поскольку в рамках многослойного циклического процесса развития за счет принципа энерго-материальной экономии постоянно и целенаправленно на протяжении длительного периода вновь и вновь происходил отбор тех циклов, которые приносили большую экономию ресурсов и, тем самым, обеспечивали достижение целей эволюции кратчайшим путем, в том числе с минимальными затратами времени. Периодически возникающие живые организмы наилучшим образом решали этот вопрос, что и обеспечивало им благоприятные условия выживания и более ускоренного развития по сравнению с конкурентными формами организации материи.

Возникновение интеллекта, разума на планете Земля оказалось следствием не какого-то божественного начала, а результатом эволюционных процессов с отбором вариантов по критерию наибольшей экономии ресурсов, которые обеспечивали минимизацию расхода ресурсов для обеспечения жизнедеятельности систем в каждом следующем витке (цикле) эволюционного развития. И этот критерий, как доказывают современные естественные науки, оказался свойственен эволюционному процессу не только в период развития живой природы, но и даже в предшествующий ему период формирования косной материи.

Интересно также отметить, что парадигма энерго-материальной экономии, как следствие процессов упорядочения систем и их структур, ни в коей мере не противоречит ни одной из концепций происхождения жизни на Земле – самопроизвольного зарождения, теории стационарного состояния, панспермии или же биохимического возрождения. В любом случае эволюция происходила циклически в разрезе многослойных процессов реализации циклических кругооборотов, которые могли быть следствием любого способа происхождения жизни. Однако в каком угодно случае критерий энерго-материальной экономии дает конкурентное преимущество более совершенной циклической форме развития эволюции.

3. МЕТАМОРФОЗЫ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА КАК НОСИТЕЛЕ ИНТЕЛЛЕКТА

Двойственная эволюционная природа человека. Человек, как представитель биологического вида на Земле, физиологически существует в режиме гомеостаза, заданного рамками генной конструкции. Однако его жизненное развитие и общественно-производственная деятельность ушли от такого режима существования и они далеки от какого-либо статического или динамического равновесия. Действительно, трудно представить человека в виде системы, покоящейся на стационарной траектории. В этом случае он потеряет свою способность к выживанию в рыночных условиях существования, способность быть конкурентоспособным в среде себе подобных. В процессе своей жизнедеятельности под контролем своего внутреннего регулятора – интеллекта – он совершает множество движений внешне хаотичного характера, которые никак нельзя представить в виде какого-либо стационара.

Получается, что человек оказывается сам собственным возбудителем своего схода со стационарной траектории, избегания какого-либо режима гомеостаза. И это его основное состояние – состояние в виде процесса, подобного броуновскому движению. Тем не менее, оно находится под непрерывным контролем внутреннего регулятора – интеллекта, который работает как в режиме приемника информации, так и ее производителя, обеспечивая поведение самого человека в режиме постоянного встраивания во внешнюю среду и оптимального функционирования в ней. В то же время в определенные периоды своего существования человек, как и всякое биологическое существо, не избегает и стационарной траектории, в случае соответствия ее его замыслам и устремлениям. Тогда, он, безусловно, при своем движении подчиняется вышеуказанным принципам Ле Шателье-Брауна и минимума диссипации энергии, которые в человеческом обществе приобретают свои образы и реализуются в своих нормах и критериях поведения.

По оценкам специалистов человек, как биологический вид, исчерпал свой эволюционный потенциал и приблизился к эволюционно стабильному состоянию, приобретя устойчивость к дальнейшей эволюции, то есть перешел в режим эволюционного гомеостаза [5]. Однако процессы эволюции живого с участием человека оказались далеко не исчерпанными. Они перешли на другой уровень – уровень интеллектуального развития человека разумного, когда он с помощью искусственно созданных инструментов – средств производства, в частности, начал более интенсивно осваивать энергию природы. С наступлением эпохи преобладающего интеллектуального развития человека состоялся переход биосферы в состояние ноосферы.

В ноосферном состоянии посредством использования энергии окружающей среды человек не просто черпает негэнтропию, заключенную в ней, в целом способствуя увеличению энтропии Вселенной, но и сам создает ее (негэнтропию) посредством упорядочения, организации и усложнения структур. В результате этого систематически при переходе от одного периода времени к другому на одну и ту же величину исходной материи (сырья и энергии) создается больше искомого продукта в виде все более упорядоченной материи, обладающей большим энергетическим потенциалом. То есть на единицу исходного вещества создается все больше искомого продукта, обладающего тем же или еще большим энергетическим потенциалом. Или же на единицу искомого продукта расходуется все меньше исходного материала.

Соответственно биологическая эволюция была дополнена и в определенной мере заменена интеллектуальной эволюцией, свойства и функции которой оказались в корне отличными от предыдущей ее формы. Если биологическая эволюция обеспечивала передачу информации о наследственности через генный механизм, то интеллектуальная – посредством открытого ее формирования и передачи с помощью зрительных, звуковых, изобразительных и других сигналов.

Такой способ передачи информации позволил наладить совершенно другой механизм эволюции в интеллектуальной среде, в первую очередь, в экономике. В результате этого циклические процессы эволюции в производственной сфере стали весьма динамичными, позволяющими постоянно экспериментировать людям в производстве товаров с тем, чтобы добиться и высокой отдачи в удовлетворении потребностей. Тем самым действующая функция изменчивости уже не ограничивалась возможностями мутации генов, как это происходило в биологических организмах, а стала создавать множественные комбинации во всем разнообразии пределов и возможностей человеческого интеллекта. И в рамках этого же интеллектуального пространства стала реализовываться функция естественного отбора, причем не на основе критерия выживания, а на основе критерия элементарного потребительского спроса.

Соответственно и принцип изменчивости, и принцип естественного отбора получили такую динамичность и разнообразие, что результаты их функционирования также оказались далекими от какого-либо стационара, уподобившись хаотичному броуновскому движению в системе общения людей – участников общественного производства – в сфере обращения, которая получила в экономике название «рынок».

Однако, несмотря на указанное ускорение процессов эволюции, отобранные на рынке потребительским спросом технологические, технические, организационные изменения немедленно получали использование в каждом следующем цикле общественного воспроизводства, как бы, наследственным образом закрепляясь в общественном производстве. Эти изменения получали распространение и закреплялись вовсе не через механизмы изменения генотипа, а посредством изобретенных человеком средств формирования, передачи и хранения информации на материальных носителях, что обеспечивало происходящим эволюционным процессам в общественном производстве относительную открытость, доступность, возможность широкого и ускоренного использования для дальнейшего эволюционного развития производственных и общественных отношений.

Процессы изменчивости в общественном производстве всегда имели положительную ориентацию на усовершенствование технологических операций, технических средств и способов организации производства, нацеленные на экономию исходных ресурсов (факторов производства). Полученная экономия также запускалась в производство и возникал избыточный материально-вещественный продукт, который в результате реализации на рынке воплощался в свою стоимостную форму в виде прибавочного продукта (прибыли). Он, по существу, являлся непосредственным продуктом нового, особого фактора эволюции – интеллекта.

Интересно то, что в процессе, таким образом, происходящей эволюции ноосферного характера постоянно видоизменялся и совершенствовался и сам интеллект, как фактор эволюции, обрастая знаниями, как губка, и наращивая тем самым свой эволюционный потенциал. Таким образом, очередной уровень эволюционного развития мироздания интеллектуального свойства получил возможность резкого прорыва вперед. Интеллект оказался наиболее эффективным не просто пользователем существующей в природе негэнтропии, а ее создателем непосредственно через конструирование сложных упорядоченных и организованных систем, которые оказались способными наращивать свой потенциал по дальнейшему производству негэнтропии в противостоянии с процессами нарастания энтропии, хаотичного состояния, бесконечного покоя и равновесия, не склонного к каким-либо изменениям, движению, развитию.

При этом эволюция интеллектуального свойства происходит не просто в виде положительных мутаций, как в биологической природе, а в результате целенаправленного изменения интеллектом производительных сил с целью наращивания производства товаров, иначе говоря, негэнтропии. Здесь в критериальном отношении потенциал стохастики оказался резко ослабленным, поскольку в общественном производстве сформировалась строгая нацеленность на производство максимальной негэнтропии в полном соответствии с принципом минимума диссипации энергии.

Таким образом, в рамках биологического воспроизводства человек сохраняет свои генетические основания. Что касается интеллектуального воспроизводства, то оно осуществляется на основе другого носителя – интеллекта – и совершенно других принципов: таких, как восприятие, память, представление, мышление, воображение, воспроизведение и т.п. с использованием всевозможных внешних носителей и преобразователей информации. Хотя сам человек смертен и существует сравнительно недолго, но интеллект как состояние и способ существования отраженной материи в единстве со своим носителем – человеком – претендует на потенциальную бессмертность. Масштабы запоминания, обработки, передачи информации, в том числе и наследственной, также значительно увеличиваются по сравнению с возможностями генома человека, достигая практически бесконечности.

Получается, что если сознание – высшая, свойственная лишь человеку форма отражения объективной действительности в ходе своей общественно-исторической деятельности [4, с. 436], то **интеллект** можно определить как состояние, способ существования отраженной материи в единстве со своим носителем и субъектом отражения – человеком с его постоянно совершенствующимися средствами отражения материи.

Высшая цель космического мироздания. Теперь вновь возникает изначального характера вопрос: а зачем мирозданию оказался необходим механизм наращивания негэнтропии? Отвечая, отметим, что он, очевидно, является одним из **элементов борьбы за существование**, но ... вселенского масштаба. Несмотря на то, что Вселенная возникла в результате упорядочения, усложнения, лучшей организации материи, но ее природа направлена на дальнейшее повышение устойчивости, стабильности как способ противостояния процессу непрерывного роста энтропии в космическом пространстве. Ей нужен постоянный источник производства негэнтропии, как средство защиты, предохранения от стихии роста энтропии.

Конечно, масштабы земного мироздания, казалось бы, не позволяют нам рассуждать о перспективах развития Вселенной, ее будущего, поскольку человечество представляет собой лишь пылинку в бескрайних просторах космического мироздания. Однако, всем известно, что всякое нечто зарождается из своих микрооснований, превращаясь в то, что есть в расцвете его эволюции со способностью приобретать всякого рода размеры и сложность. Поэтому сегодня рассуждать о перспективах развития Вселенной и роли человека в этом процессе вовсе не представляется преждевременным. В этом отношении нам весьма достойный пример демонстрируют физики, астрофизики, астрономы и другие специалисты, чьи исследования связаны с космическим пространством⁵.

О соответствии человеческого образа жизни высшей цели мироздания. На основе указанного предназначения человеческого интеллекта и его носителя – человечества – возникает весьма прозаичный вопрос: надо ли в соответствии с реальными намерениями финансово-олигархической элиты планетарного сообщества ограничивать и тем более сокращать численность населения земного шара – носителей и источника развития общественного интеллекта?

Категорически отрицательный ответ вытекает сам собой из предыдущих наших рассуждений. Получается, что элита (вернее, псевдоэлита из-за присущих ей близорукости в отношении перспектив развития человечества и эгоизма в обладании земными благами) вследствие свойственного ей эгоцентризма, насаждаемого в виде глобальной идеологии земного существования человека, противостоит не только прогрессивному развитию человечества, но и в целом ноосферы и, самое главное, космического мироздания.

Действительно, даже если исходить из простейших суждений о смысле человеческой жизни, то следует следующая цепочка рассуждений. Для чего человек существует? Для осуществления целесообразной деятельности. Какова цель этой деятельности? Постоянное совершенствование своего интеллекта, а вместе с ним и общественного интеллекта. Каково предназначение общественного интеллекта? Как выяснилось из наших вышеприведенных рассуждений, для достижения высшей цели мироздания – обеспечения производства как можно большей массы негэнтропии в ее разнообразных материально-вещественных и духовно-интеллектуальных формах.

Не останавливаясь на подробностях результатов достижения промежуточных целей и задач, ответим на вопрос: насколько эффективно обеспечивается достижение указанной здесь конечной цели целесообразной деятельности человека? Судя по положению социальной сферы в человеческом обществе и мировом сообществе, системному нарастанию многоаспектного общецивилизационного кризиса, – недостаточно эффективно. На наш взгляд, вот по каким причинам.

Если на первой (инкубационной) стадии развития человеческого интеллекта у природы стояла задача обеспечения материального благосостояния человека, как носителя интеллекта, с тем, чтобы затем обеспечить свободное, всестороннее развитие общественного интеллекта, то эта задача в настоящее время, можно было бы сказать, решена, если судить по уровню развития производительных сил человеческого общества. Однако, если делать выводы по действительному состоянию проблемы, то она еще далека от своего полного решения. Причина – **неэффективная система общественного распределения** материальных благ. Получается, что возможности есть, а результат не достигается. Это – с одной стороны.

С другой стороны, даже если принять существующее положение вещей как должное, то получается, что данная система формирования общественного интеллекта далеко не эффективна.

⁵ О космическом предназначении человека начали писать, начиная с 19-го века, такие исследователи как Н.Ф. Федоров, Л.П. Кочеткова, Пьер Тейяр де Шарден (биолог-эволюционист, французский ученый), К.Э. Циолковский, Альфред Уоллес (британский ученый-натуралист), Н.Г. Холодный (украинский академик), Бакминстер Фуллер (американский ученый и философ), В.И. Вернадский, Ю. Кагарлицкий, академик А. Прохоров и др. [2].

Во-первых, потому что не обеспечивает соответствующего развития интеллекта у немалой части мирового населения в достаточной степени раскованности в действиях, чтобы не думать об удовлетворении простых материальных потребностей. Следовательно, потенциал природной машины – земного мироздания – по формированию общественного интеллекта не может работать на полную мощность; во-вторых, процесс формирования общественного интеллекта даже в той части населения, которая материально обеспечена, также чрезвычайно затратен, поскольку произведенные производительными силами общества материальные блага не полностью доступны для широкого общественного использования, а скрыты в сокровищницах отдельных их обладателей. Соответственно (условная) единица сформированного кондиционного общественного интеллекта оказывается высоко затратной. Эти затраты ложатся достаточно тяжелым бременем как на общество, так и на природную и вообще на окружающую среду.

Сегодня человеческое общество подошло к тому уровню общественного развития, к той черте осмысления своего существования, что ощущает настоятельную потребность и необходимость в безболезненном переходе на следующую, более высокую ступень своего развития, развития общественного интеллекта со всеми вытекающими отсюда перспективами дальнейшего совершенствования. Исходя из этого возникает достаточно простая задача – сформулировать, а затем **решить** в общечеловеческом, мировом масштабе указанные выше **проблемы общественного распределения**, во-первых, для обеспечения полной свободы интеллектуального развития всего состава человеческого общества без всякого исключения; во-вторых, сделать это интеллектуальное развитие низкокзатратным как для отдельного человека, в частности, так и для всего общества в целом.

По существу, необходима рекогносцировка матрицы дальнейшего развития человечества в смысле приведения содержания перспективных общечеловеческих целей и средств их достижения в соответствие с достигнутым уровнем общецивилизационного развития. Иначе говоря, нужна рекомбинация составляющих потенциала человечества с тем, чтобы обеспечить дальнейшее эффективное решение задач, стоящих перед ним.

Понятно, что космос в случае реализации отрицательных его установкам намерений обойдется и без земного интеллектуального сообщества. Однако будет совершенно непонятным отказ самого земного сообщества от участия в этом процессе активизации эволюционного развития Вселенной посредством своего интеллектуального вклада в общее дело прогрессивного развития вселенского масштаба.

Возникает также вопрос: кто же формирует этот отказ? По существу, этот отказ формирует ничтожная доля планетарного населения, самовольно присвоившая себе право решать его судьбу. На наш взгляд, такое присвоение является неправомерным в рамках любого законодательства, любых моральных традиций. Земное сообщество само самым демократичным способом должно решать свою судьбу и все с этим связанные проблемы, то есть проблемы, касающиеся его планетарного существования.

Нет сомнения в том, что земное сообщество людей не поддержит разного рода социал-дарвинистские, расово-антропологические и другие подобные теории, имеющие в конечном счете целью реализацию эгоистических побуждений «элиты» общества по собственному процветанию с уничтожением остальной, якобы, неполноценной части человечества.

Соответственно, с точки зрения предназначения человеческого интеллекта идеи сокращения численности людей, его ограничения вопреки объективным демографическим законам не имеют под собой оснований. Будущее человечества состоит во всемерном духовно-интеллектуальном, физическом, физиологическом развитии с постепенным формированием человека будущего, главным предназначением которого должно явиться освоение космоса, как естественной среды обитания человеческого интеллекта.

Потуги современной «элиты» к накоплению богатства в индивидуальных сокровищницах и присвоению земных благ ради удовлетворения эгоистических интересов собственного пресыщенного существования оказываются в корне противоречащими интересам земного и космического мироздания. Соответственно, эгоистическая идеология современной финансово-олигархической элиты должна быть преодолена. Ее место должна занять общечеловеческая идеология прогрессивного развития, нацеленная на выход за пределы земного мироздания в условиях эволюционного созревания человечества к освоению космического пространства.

Для этого необходимо пересмотреть отдельные стереотипы массового сознания людей, навешанные иногда откровенно ложными канонами общественных наук, в частности, экономической теории, сложившихся под воздействием архаичных, с точки зрения настоящего времени, представлений о развитии современного земного и космического мироздания. Они, как это было указано выше, прямо требуют общественного характера их устройства, а не индивидуалистической организации, разрушающей, а не развивающей эволюционный характер развития человеческого общества. Необходимо соответственно принять и освоить концептуально новые правила и положения взаимоотношений людей, способных наикратчайшим путем направить развитие человечества в соответствии с высшими целями земного и космического мироздания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубнищева Т.Я. Концепции современного естествознания : учеб. для студ. вузов / Т.Я. Дубнищева. – 3-е изд. – М. : ИВЦ Маркетинг : ЮКЭА. – 2001. – 831 с. : ил., табл.
2. Забелин И.М. Человечество – для чего оно? [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: www.zeitgeistmovie.ru
3. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития / Н.Н. Моисеев ; АН СССР. – М. : Наука, 1987. – 304 с. : ил. (Серия «Академические чтения»).
4. Философский словарь / [А.В. Адо и др.] ; под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1987. – 590 с.
5. Щербаков В.П. Эволюция как сопротивление энтропии [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: <http://aftershock.su/?q=node/297993>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»

(ОКОНЧАНИЕ)

Водомеров Николай Кириллович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», кафедра «Экономика»
г. Курск, Российская Федерация E-mail: vodomernik@gmail.com

Еще одной попыткой развития категории «ценность» является раздел монографии, написанный П.С. Лемещенко. Автор вводит и разрабатывает понятие «институциональной ценности», которая, по его мнению, должна сыграть роль одного из «аксиоматических свойств» «новой политэкономии». «Институциональная ценность», по мысли автора, «приходит на смену стоимости, проявляющейся через цену производства, совокупности монопольных цен и ... системы нормативов, стандартов, брендов, трансфертов...» [с. 689–690].

Категория «стоимость», как известно, неотделима от *товаров, является их свойством, лежит, – в конечном счете, – в основе цен товаров, хотя цены, как правило, и отклоняются от точного соответствия стоимости. Поэтому сменяющая ее «институциональная ценность», видимо, – как и стоимость, – должна образовывать основу цен товаров. Отсюда следовало бы, что «институциональная ценность», – как основа цен товаров, – представляет собой нечто иное, чем стоимость. И необходимо было бы раскрыть и обосновать это отличие.*

Судя по тексту, положение автора о смене стоимости «институциональной ценностью» нужно понимать в том смысле, что цены товаров во все большей степени не зависят от стоимости и все сильнее регулируются системой институтов. С этим, видимо, можно согласиться.

Как пишет П.С. Лемещенко, «...стоимость отражает меру физической жизнедеятельности человека или фирмы, производящей услуги ... институциональная ценность ... отражает не только меру затрат, но и момент вмененных социальных ориентиров, ценностей, спекуляций ... отражает норму влияния, деятельности и контроля метакapитала остальных видов капитала, давая последним ... финансовую прибыль» [с. 697].

Для понимания категории «институциональная ценность» автор вводит понятие издержек: «... совокупные издержки/полезность отражают ценность, а, следовательно, и эффективность функционирования определенной модели хозяйствования, которой институты задают стратегическую генерацию и вместе с тем ограничения развития. Их кратко можно выразить формулой:

$TC = PC + TrC + TrCi$, где TC – совокупные издержки,

PC – производственные издержки,

TrC – трансакционные издержки по товарным операциям,

TrCi – трансакционные институциональные издержки, опосредуют институциональные трансакции реформы. Они включают не только издержки по ликвидации старых институтов, но и необходимые затраты по строительству новой институциональной системы» [с. 695].

С учетом такого определения П.С. Лемещенко приводит формулу «институциональной ценности»: «Институциональная ценность (V_i) равна: $(V_i) = PC + TrC + TrCi + Ri$. Она распадается на эти элементы, потому что она фиксирует качественную целостность общества или отдельного сообщества, группы. В конечном счете, именно данная норма, а эта есть общественная норма поведения всех участников хозяйственной деятельности и в первую очередь четко выкристаллизованных, сложившихся элементов социально-классовой структуры, определяет допустимые пределы производственных (PC) и трансакционных издержек (TrC). Это же относится и к размеру распределяемых рентных доходов» [с. 696].

Понятно желание автора подчеркнуть все большее влияние институтов на уровень цен и доходов. Однако приведенные им положения невольно вызывают вопросы:

1) Какая субстанция является в конечном счете мерой издержек – и производственных и всех трансакционных?

2) Что является источником институциональной ренты?

Думается, ответы автора на эти вопросы содержатся в следующих его положениях: «... институциональная ценность – это в высшей мере субъективированные оценки потребляемой произведенной услуги, полезные качества которой формируются или в процессе коллективного пользования или же вследствие первоначально высокого общественного признания». «Информационно-психологический образ, т.о., формирующая институциональную ценность, есть субстанция современной экономики в отличие, например, от стоимости, которая несла в себе отпечаток общественного труда во времена представителей классической политэкономии» [с. 698].

Итак, субстанцией «институциональных ценностей» (затраченных и созданных) является «информационно-психологический образ» затрат и результатов.

С такой позицией автора вряд ли можно согласиться. Прежде всего, неясно, в чем выражаются «субъективированные оценки»? Если в деньгах, то в этом случае они суть индивидуальные цены спроса на услуги? Тогда почему эти оценки должны быть совершенно одинаковыми для всех субъектов, даже для тех, кому эта услуга вовсе не нужна или даже вредна?

Кроме того, можно создавать сколько угодно «информационно-психологических образов», от этого реальных товаров и услуг и доходов не прибавится. В любой институциональной среде объем и качество создаваемых благ, – т.е. реальный совокупный доход общества, – определяется, в конечном счете, *общественным трудом, затраченным в соответствующей полезной форме.*

С помощью «информационно-психологических образов» можно лишь перераспределять создаваемые трудом доходы и приобретаемые на них товары и услуги, в том числе и между странами. Поэтому, на наш взгляд, политэкономия не должна отказываться от трудовой теории стоимости, а проследивать процессы отклонения цен от стоимости, вызванные влиянием различных факторов, – в том числе и институтов, – на этой основе – исследовать формирование и перераспределение доходов в современном обществе.

А.Д. Некипелов, отмечая наличие «порочных логических кругов» в теории предельной полезности, считает, что «К. Маркс ... предложил ... методологию, которая была призвана избавить экономическую науку от этой болезни. Ее суть – в сочетании генетического и функционального подходов при исследовании экономической системы. В развитии категорий должна была в

«снятом виде» отражаться история становления хозяйственной системы. Маркс сформулировал известный двухступенчатый принцип познания закономерностей экономической сферы общественной жизнедеятельности: движение от данного нам в ощущении конкретного к абстрактному и, на втором этапе, восхождение от этого абстрактного к уже упорядоченному конкретному» [с. 531].

Однако, по мнению указанного автора, «Марксу не удалось безупречно воплотить в своей основной работе – «Капитале» – этот принцип и уйти от проблемы «замкнутых кругов». Это особенно ясно проявилось в десятой главе третьего тома, где он поставил, но не сумел удовлетворительным способом решить проблему влияния общественной потребности на величину ценности («стоимости»)). «Причина этой неудачи, – продолжает А.Д. Некипелов, – лежала в приверженности Маркса трудовой теории ценности, причем в двояком смысле. С одной стороны, Маркс, основываясь на объективной несопоставимости различных потребностей человека, считал абсолютно невозможным измерение общей степени их удовлетворения. С другой, он ошибался, когда вслед за У. Петти, А. Смитом и Д. Рикардо выдвигал труд (расходование рабочей силы) в качестве универсальной меры издержек» [с. 531–532].

Здесь следует отметить, что А.Д. Некипелов, видимо, не совсем понял логику К. Маркса. К. Маркс вначале – при исследовании стоимости и движения капитала «в чистом виде» – предполагает равенство спроса и предложения. А затем, в 3 томе «Капитала» снимает эту предпосылку и изучает влияние колебаний спроса и предложения на уровень цен. Такая последовательность анализа вполне отвечает логике восхождения от абстрактного к конкретному.

А А.Д. Некипелов ставит перед собой задачу создания «чистой экономической теории». Он пишет: «... замысел состоит в том, чтобы, отталкиваясь от ряда исходных аксиом, построить логически стройную экономическую теорию, органично включающую в себя проблемы микро- и макроуровня» [с. 533]. По замыслу данного автора, «чистая экономическая теория» должна начинать с анализа самого простого исходного пункта, а затем, – по аналогии с методом К. Маркса, – проследить его развитие в более сложные отношения [с. 533].

А.Д. Некипелов не согласен с выбором К. Маркса «в качестве такой «исходной клеточки» категорию товара» по той причине, что «стоящая «за спиной» товара модель простого товарного обращения недостаточно абстрактна, чтобы быть исходной. ...она предполагает (а следовательно, не объясняет) существование частной собственности, разделения труда и обмена». Он считает, что «исходным пунктом должна быть максимально простая экономическая модель, описывающая особенности принятия решений о производстве и отдыхе изолированным индивидом – «Робинзоном» [с. 535].

Отталкиваясь от этой «модели», А.Д. Некипелов переходит к учету все более конкретных факторов. Он пишет: «Основными **последующими ступеньками** движения от абстрактного к конкретному являются: выявление условий для «чистого обмена» и, далее, разделения труда в рамках двухсубъектной модели «Робинзон плюс Пятница»; исследование проблем общего равновесия в условиях многостороннего натурального обмена (как «чистого», так и основанного на разделении труда); выведение института денег, которое позволяет перейти к модели денежного рыночного хозяйства, основанного на индивидуальном труде, исследовать его микро- и макроособенности» [с. 535]. По мнению указанного автора, «предложенный методологический подход ... позволяет уйти от ... ситуации, когда одни понятия приходится определять через другие понятия, которые сами еще не были раскрыты в ходе предшествующего исследования. ... появляется возможность проследить логику формирования развитых экономических институтов, а потому и глубже понять их содержание» [с. 535].

Применяя данный подход, автор пришел к следующему выводу: «Суть же ключевой проблемы, которую так или иначе стремится решать каждый человек, состоит в получении наибольшей отдачи от собственной жизни. А это значит, что мы нацелены на «максимизацию счастья» за счет рационального распределения времени жизни между различными видами деятельности, относящимися как к сфере производства, так и сфере досуга. Поэтому именно время жизни, выделяемое на трудовую деятельность, и составляет подлинное содержание производственных издержек ...» [с. 538]. Далее, основываясь на своем методологическом подходе, автор сделал еще ряд выводов, относящихся к разным экономическим категориям.

Не останавливаясь на содержании этих выводов, хотелось бы отметить, что «хозяйство Робинзона» – это хозяйство без производственных отношений. Такого хозяйства никогда не существовало. А.Д. Некипелов стремится найти сущность производственных отношений вне этих отношений. Поэтому такой подход вряд ли сможет что-то дать для их осмысления, в том числе – для понимания стоимости. Стоимость – категория товарного производства и может быть понята только в рамках товарного производства. Теория стоимости К. Маркса своим исходным пунктом имеет как раз наиболее простую, зародышевую форму товарных отношений, а затем прослеживает развитие этих отношений до наиболее зрелых форм.

Ряд авторов монографии высказался и по теории воспроизводства, являющейся, как известно, одной из важнейших составных частей политэкономии. Так, В.И. Маевский привел аргументы в обоснование вывода об ошибочности Марксовой теории переноса стоимости средств производства [с. 426–438].

Суть доводов автора вкратце сводится к следующему. Предприятие, производящее орудия труда, может выполнять «две программы»: 1) «программа А» – производство техники для себя с целью замены изношенной; 2) «программа В» – производство средств труда для других отраслей. Если предположить, что 11 месяцев предприятие работает по «программе В» и 1 месяц – по «программе А», то стоимость годового продукта труда работников предприятия будет включать в себя стоимость всей техники, выпущенной по обеим программам. Но она не будет включать стоимости изношенной техники, которой предприятие располагало к началу периода, поскольку в этом случае стоимость средств труда, возмещающих изношенные, будет учитываться дважды [с. 428].

В.И. Маевский формулирует три основных вывода:

«...во-первых, стоимость потребляемых орудий труда, установленных на машиностроительном заводе, не может входить в стоимость текущего годового продукта данного завода. Она должна постепенно умирать по мере потребления данных орудий труда;

во-вторых, вместо умирающей стоимости действующих орудий труда в стоимость текущего годового продукта входит стоимость новых орудий труда, изготовленных в текущем году на заводе по программе А;

в-третьих, таким образом, орудия труда машиностроительного завода воспроизводятся не только физически, но и по стоимости» [с. 434].

Данные выводы, по мысли автора, справедливы не только для отдельных предприятий, а для всего инвестиционного сектора (машиностроительного и строительного комплексов)

По мнению автора, ошибочность Марксовой теории состоит в том, что в ней «все потребляемые средства производства переносят свою стоимость на продукт». Он пишет: «Мы считаем, что именно в проблеме перенесения стоимости постоянного капитала и заключена Ахиллесова пята Марксовой теории воспроизводства. Его теорию нельзя называть полноценной теорией воспроизводства, поскольку она отвергает необходимость возобновления затрат

общественно необходимого труда при воспроизводстве постоянного капитала *in natura*». Автор считает, что «из Марксовой теории воспроизводства следует, будто стоимость постоянного капитала бессмертна ... Одно из наиболее уязвимых мест его теории таково: сохранение стоимости потребляемых средств производства в новом продукте предполагает, что прошлый труд участвует в создании нового продукта. Применительно к потребляемым средствам труда такое предположение недопустимо» [с. 435-436].

В то же время В.И. Маевский «готов поддержать» Марксову концепцию перенесения стоимости «потребляемых промежуточных продуктов, очищенной от стоимости средств труда, потребляемых в процессе создания этих продуктов» [с. 436].

Но при этом он замечает: «Строго говоря, стоимость, заключенная в промежуточном продукте, не переносится на конечный продукт. Напротив, в процессе переработки промежуточного продукта к стоимости последнего *добавляется новая стоимость*» [с. 436].

В.И. Маевский «категорически возражает» «против его [Маркса – Н.В.] центральной идеи, будто стоимость *всех средств производства (в том числе, промежуточных продуктов) не должна воспроизводиться*». По его мнению, «стоимость *всех видов средств труда является объектом воспроизводства: старая стоимость действующих средств труда умирает, появляется новая стоимость, воплощенная в новых средствах труда, затем этот процесс повторяется ... все средства производства, вопреки Марксу, воспроизводятся не только в натуре, но и по стоимости. Акты «перенесения» стоимости присущи только промежуточным продуктам, но эти акты сохраняют стоимость промежуточных продуктов лишь временно: до тех пор, пока не потреблены конечные продукты, созданные на основе соответствующих промежуточных продуктов. Стоимость любого средства производства не бессмертна, она обязательно воспроизводится, как воспроизводится его потребительная стоимость*» [с. 437].

На наш взгляд, «опровержения» Маркса, предпринятые В.И. Маевским, не имеют под собой достаточных оснований. Автор не различает два процесса: 1) создание новой стоимости, 2) перенос стоимости.

Создание новой стоимости – это расход живого труда. С ним связаны понятия переменного капитала и прибавочной стоимости: $V + M$. Перенос же стоимости имеет место, когда капитал авансируется в средства производства. Ему предшествует акт купли средств производства: $D - T$ (СП). Затем средства производства расходуются, их стоимость переносится на стоимость товара. Отсюда и понятие постоянного капитала.

В приведенном В.И. Маевским примере предприятия машиностроения сами создают используемые ими орудия труда, а не покупают у других предприятий. Стоимость этих орудий труда есть результат живого труда. Они не относятся к постоянному капиталу. Их стоимость входит в состав продаваемых предприятиями орудий труда как часть вновь созданной стоимости $V + M$. Если бы предприятия приобретали орудия труда, то их стоимость переносилась бы на товар, как и стоимость покупаемых предметов труда. Только в этом случае орудия труда были бы частью постоянного капитала.

Следует также напомнить, что, согласно марксистской теории, поскольку стоимость – это общественно необходимые затраты труда (ОНЗТ), то переносится не вся первоначальная стоимость средств труда, а только та ее часть, которая соответствует ОНЗТ. Положение К. Маркса о том, что стоимость расходуемых орудий труда не воспроизводится, отражает реальные процессы морального износа основного капитала. Положение о некоем «бессмертии стоимости постоянного капитала» противоречит теории Маркса и никоим образом из нее не вытекает.

Таким образом, очередное «опровержение» Маркса и в данном случае не состоялось.

Проблемам воспроизводства посвящена и глава монографии, написанная М.И. Зверяковым. Опираясь на марксистскую теорию воспроизводства, автор обосновывает ряд важных, актуальных, на наш взгляд, положений [с. 440–452]:

1) Недопустимость рассмотрения всех видов трудовой деятельности как равнозначных на том основании, что они дают полезный эффект.

2) Первичность материальных потребностей людей и необходимость различения производственной деятельности, результатом которой является материальный продукт, и непроизводственных, «в которых внешняя природа не является предметом непосредственного воздействия человеческого труда и где, следовательно, отсутствуют такие понятия, как средства труда, орудия производства, сам труд, направленный на видоизменение вещества природы, продукт...»

3) Включение в предмет теории воспроизводства только производственной деятельности людей, прежде всего – взаимосвязи двух подразделений общественного производства как наиболее существенной его пропорции.

4) Обусловленность денежных пропорций пропорциями натурально-вещественными, играющими основополагающую роль. Недопустимость приравнивания значения денег и материальных пропорций воспроизводства.

5) Система национальных счетов в настоящее время обладает следующими недостатками:

- отождествление счетоводства на отдельном предприятии и национального счетоводства, что недопустимо;
- не учитывает натуральную форму продуктов при измерении результатов общественного воспроизводства, что не дает адекватного отражения реальных процессов;
- не учитывает кругооборот предметов труда, отражая только изменение их запасов.

6) Модели народнохозяйственного кругооборота, используемые в макроэкономике, не отражают сущность и важнейшие пропорции общественного воспроизводства, эти модели нужно строить только на основе моделей воспроизводства общественного капитала.

М.И. Зверяков настаивает на недопустимости произвольного выделения подразделений при анализе общественного воспроизводства. Он приводит три требования, которым должны удовлетворять виды деятельности, чтобы их можно было выделить в особое подразделение общественного производства: «Во-первых, рассматриваемые виды деятельности должны охватывать процесс производства. Во-вторых, результаты данного вида деятельности должны возмещать своей собственной натуральной формой условия производства в пределах данного подразделения или в форме средств производства, или в форме предметов личного потребления, т.е. служить материальным условием воспроизводства данного подразделения. И наконец, в-третьих, в том случае, если результаты производства в пределах данного подразделения не в полной мере возмещают в натуре условия производства, они должны обладать способностью обмениваться на такие натуральные формы, которые необходимы данному подразделению и которые воспроизводят условия его собственного функционирования» [с. 441].

На этом основании автор возражает против выделения в виде особого подразделения общественного производства таких видов деятельности, как военное производство, сфера услуг, транспорт и связь, инвестиционная деятельность и др., поскольку они, на его взгляд, не отвечают всем трем перечисленным выше требованиям [с. 440–442].

В то же время М.И. Зверяков считает необходимым в качестве особого подразделения общественного производства рассматривать науку, так как она соответствует всем трем введенным им критериям: «Во-первых, это специфическая область производства, продуктом которой являются знания, на основе которых осуществляются коренные преобразования в традиционных методах производства, управлении, технологии, информации и т.д. Во-вторых, известная часть результатов этой деятельности может быть использована и используется в качестве источника возмещения ресурсов, потребленных этой сферой. И наконец, в-третьих, значительная часть результатов этой деятельности возмещает свои собственные предпосылки посредством обмена с результатами производства других подразделений» [с. 444].

На этом основании автор возражает против выделения в виде особого подразделения общественного производства таких видов деятельности, как военное производство, сфера услуг, транспорт и связь, инвестиционная деятельность и др., поскольку они, на его взгляд, не отвечают всем трем перечисленным выше требованиям [с. 440–442].

В то же время М.И. Зверяков считает необходимым в качестве особого подразделения общественного производства рассматривать науку, так как она соответствует всем трем введенным им критериям: «Во-первых, это специфическая область производства, продуктом которой являются знания, на основе которых осуществляются коренные преобразования в традиционных методах производства, управлении, технологии, информации и т.д. Во-вторых, известная часть результатов этой деятельности может быть использована и используется в качестве источника возмещения ресурсов, потребленных этой сферой. И наконец, в-третьих, значительная часть результатов этой деятельности возмещает свои собственные предпосылки посредством обмена с результатами производства других подразделений» [с. 444].

Здесь хотелось бы высказать некоторые возражения автору. Модель воспроизводства, включающая два подразделения, несомненно, выражает наиболее существенную пропорцию общественного воспроизводства. Однако она носит предельно абстрактный характер и, как справедливо отмечает сам М.И. Зверяков, непосредственно не накладывается на реальную экономику. Для понимания реальных явлений общественного воспроизводства, на наш взгляд, необходимо на основе ее изучать более конкретные черты общественного воспроизводства. А это невозможно без более детального анализа пропорций общественного производства на основе вычленения из двух подразделений тех видов деятельности, которые различаются по своей роли в общественном воспроизводстве.

Так, из I подразделения вполне обоснованно выделение в качестве особых секторов производства средств труда (инвестиционный сектор), – а в нем – производства активной части основных средств и пассивной части; – и производства предметов труда (материалопроизводящий сектор). Это позволило бы проследить процессы воспроизводства основных средств и предметов труда. Нет ничего предосудительного и во включении сферы услуг в качестве подразделения общественного воспроизводства. Услуги потребляются во всех отраслях материального производства, часть их относится на материальные затраты предприятий (услуги производственного характера), часть – к инвестиционным затратам, часть – к прочим затратам; услуги потребляются домашними хозяйствами, государственными структурами, некоммерческими организациями. Кроме бюджетных учреждений, предприятия сферы услуг находятся на самофинансировании, т.е. обменивают результаты деятельности на эквивалентные результаты деятельности других отраслей. Включение сферы услуг в анализ воспроизводства вовсе не означает признание их отраслями производства, оно необходимо для движения от абстрактного к конкретному в постижении реальных экономических процессов. В этой связи хотелось бы напомнить, что общественное воспроизводство – это не просто воспроизводство СОП, а воспроизводство общества, которое невозможно без сферы услуг.

Сам М.И. Зверяков, как уже говорилось, предлагает в качестве отдельного подразделения общественного производства рассматривать науку. Но наука – это часть сферы услуг. Результат научных исследований не является материальным продуктом. Для того, чтобы научные знания стали продуктом, они должны быть внедрены в производство. Или, чтобы давать полезный эффект, они должны быть применены в той же сфере услуг (медицине, образовании, правоохранительной деятельности, в самой науке и т.п.). Иначе они остаются просто знаниями, не приносящими полезного эффекта. Кроме того, предлагая рассматривать науку как особое подразделение общественного производства, автор не сообщает, как измерять результаты науки – затраченными деньгами, или деньгами, вырученными от продажи знаний? А если натуральными показателями, то что это за показатели?

Автор ставит очень важный вопрос об учете оборота предметов труда в процессе воспроизводства без допущения повторного счета. В результате изучения этого вопроса он предлагает формулу для измерения материальных затрат в I подразделении, лишенную на его взгляд, повторного счета стоимости предметов труда [с. 473]:

$$IC = \sum_{i=1}^n K_i P_i + \sum_{i=1}^n K_i A_i = \sum_{i=1}^n K_i (P_i + A_i)$$

«где: P_i – предметы труда i -го продукта на начало года;

K_i – число оборотов при производстве i -го продукта;

A_i – амортизация средств труда в i -й отрасли».

$$\sum_{i=1}^n K_i P_i$$

Однако если присмотреться к этой формуле, то окажется, что IC состоит из суммы обычных материальных затрат:

$$\sum_{i=1}^n K_i A_i$$

в производстве продукции i и суммы амортизации в производства той же продукции, почему-то помноженной на число оборотов капитала:

На наш взгляд, приведенная формула не лишена уязвимых мест:

1) Продуктом I подразделения могут быть предметы труда на разных стадиях производственного цикла, например, руда – металл – заготовки – детали, узлы, комплектующие – готовое изделие. Поэтому формула автора неизбежно дает повторный счет затрат предметов труда не только на готовые изделия, но и на промежуточные продукты, в нашем случае – на заготовки, детали.

2) Амортизация не относится к материальным затратам, а отражает износ основных средств. Она начисляется не на один оборот капитала, а за определенный период. Умножение ее на число оборотов капитала завышает ее уровень в число раз, равное числу оборотов капитала.

Видимо, вопрос об учете затрат предметов труда в I подразделении нуждается в дополнительной проработке.

В целом же глава М.И. Зверякова ставит фундаментальные вопросы и представляет несомненный интерес.

Теория воспроизводства затрагивается и в главе, написанной С.М. Серегиним и В.Н. Тарасевичем. Авторы предлагают выделять в структуре экономике четыре подразделения. В «единую производственную сферу» они включают, кроме традиционных подразделений (производство средств производства и производство предметов потребления), также и «социальную сферу», которая обозначается ими как I подразделение. (Соответственно производство средств производства рассматривается как II подразделение, а производство предметов потребления – как III подразделение.) Под IV подразделением авторы понимают «непроизводственную сферу», т.е. те виды деятельности, которые не вошли в первые три подразделения. «Создаваемый здесь продукт, – пишут они, – не потребляется в общественном производстве, а, следовательно, не обменивается на продукт единой производственной сферы» [с. 478].

К «социальной сфере» («I подразделению») авторы относят: науку и научное обслуживание, образование, здравоохранение, культуру, спорт, социальное обеспечение, «а также государственное управление и местное самоуправление в той части, в которой они воздействуют на экономические процессы в строгом соответствии с их объективной природой». Они полагают, что эта сфера «производит» «социальный продукт» и «обменивает» его на продукты других подразделений. По мнению авторов, «источником обмена на продукцию социальной сферы является не только прибавочный, но и необходимый продукт материальной сферы», т.е. II и III подразделений [с. 478–479].

Авторы приводят систему равенств, которая, видимо, призвана отразить структуру продуктов подразделений [с. 478]:

$$\begin{array}{ll} \text{I} & \text{П} = \text{I} (\text{C} + \text{V} + \text{m}); \\ \text{II} & \text{П} = \text{II} (\text{C} + \text{V} + \text{m}); \\ \text{III} & \text{П} = \text{III} (\text{C} + \text{V} + \text{m}); \\ \text{IV} & \text{П} = \text{IV} (\text{C} + \text{V} + \text{m}). \end{array}$$

Поскольку символы «C», «V» и «m» обычно обозначают постоянный капитал, переменный капитал и прибавочную стоимость, то получается, что все подразделения в авторской интерпретации участвуют в создании стоимости.

Далее авторы рассматривают обмен «продуктами» между подразделениями и строят соответствующие балансовые уравнения. Так, в отношении «социального продукта» они пишут: «определенная его часть ... может быть возмещена своим собственным результатом. Потребляют же работники социальной сферы *социальный продукт*. Основная же часть продукта возмещается посредством обмена с продуктом II и III подразделений. Средства производства IC_2 возмещаются путем обмена на продукт II подразделения: $\text{IC}_2 \leftrightarrow \text{II}\Delta(\text{V} + \text{m})_1$. На свою *заработную плату* работники I подразделения покупают не только услуги I V_1 , но и предметы личного потребления, создаваемые в III подразделении. Таким образом осуществляется обмен части услуг на часть предметов потребления: $\text{I V}_3 \leftrightarrow \text{III}\Delta(\text{V} + \text{m})_1$.

Создаваемый в социальной сфере *прибавочный продукт* используется во всех четырех подразделениях. В I – как источник постоянного обновления состава оказываемых услуг при их неизменном объеме, во II и III – как источник обновления техники и ассортимента продукции при ее неизменном объеме, а также поддержания в работоспособном состоянии совокупного работника. В обмен на Im_2 и Im_3 I подразделение получает средства производства $\text{II}(\text{V} + \text{m})_1$ и предметы потребления $\text{III}(\text{V} + \text{m})_1$, соответственно. Часть прибавочного продукта в виде услуг направляется на содержание непроизводственной сферы: $\text{Im}_4 \rightarrow \text{IV}\Delta\text{V}$ » [с. 478–479].

Аналогично рассматривается обмен продуктами II и III подразделений. Что касается IV подразделения, то, по версии авторов, оно окупается за счет части прибавочного продукта, созданного тремя подразделениями «производственной сферы». В развитие своей концепции авторы далее включают в систему балансовых уравнений экспорт и импорт, а также налоги и государственные расходы [с. 479–480].

На наш взгляд, концепция авторов требует некоторых уточнений. Неясно, например, к каким подразделениям относятся такие виды деятельности, – относимые по системе национальных счетов к услугам, – как торговля, общественное питание, услуги по ремонту транспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования, транспорт и связь, предоставление коммунальных услуг (кроме относимых к промышленности). Поэтому не вполне понятен и состав видов деятельности, включенных авторами в «непроизводственную сферу».

Следует отметить также, что С.М. Серегин и В.Н. Тарасевич, по-видимому, не проводят различия между созданием продукта и оказанием услуги. Недопустимость этого, в частности, отмечал М.И. Зверяков, чья концепция была рассмотрена выше. «Продуктом» выделенной авторами «социальной сферы» в действительности являются услуги – полезные *действия*, а не полезные *вещи* (продукты). В этой сфере стоимость не создается, хотя в условиях капиталистического производства и в этой сфере функционирует капитал, присваивается – в обмен на услуги – стоимость и прибавочная стоимость, созданная в отраслях материального производства.

При этом значительная часть «социальной сферы» вообще находится на бюджетном финансировании. Это – государственное управление и местное самоуправление, социальное обеспечение, значительная часть науки, медицины, образования, культуры. Поэтому даже если под «I (C+V+m)» понимать выручку от реализации услуг «социальной сферы», под «I (C+V)» – ее издержки, а под «I m» – прибыль, то выручка «социальной сферы» не покрывает издержек, т.е. «I m» < 0. Поэтому за счет «I m» никак не может финансироваться «непроизводственная сфера», которая, кстати, – судя по тем видам деятельности, которые не включены в «производственную сферу», – функционирует в действительности как раз на условиях самофинансирования, – за счет обмена услуг на стоимость, созданную в материальном производстве.

Разумеется, значимость социальной сферы в общественном воспроизводстве велика и растет. Есть основания для выделения ее в самостоятельный сектор экономики и анализа ее воспроизводства. Тем не менее, на наш взгляд, концепция авторов нуждается в определенных корректировках, приведении ее в соответствие с трудовой теорией стоимости, раз авторы используют терминологию и формулы, принятые в этой теории.

А.А. Задоя предлагает объяснение экономического цикла с помощью категорий конфликтологии. Для того он выделяет отношения между тремя агрегированными субъектами: покупателями, их кредиторами и продавцами. Пока отношения между этими субъектами носят компромиссный характер, согласно его пониманию, идет устойчивое развитие экономики. При этом всем трем субъектам выгодно наращивать кредиты. По мере роста кредитования, – считает автор, – возникает конфликт между субъектами, который и приводит к кризису [с. 487–490]. А.А. Задоя так описывает механизм возникновения конфликта между субъектами: «...когда заемщики сталкиваются с проблемой недостатка доходов для погашения кредитов и исчерпанием возможностей перекредитования, происходит резкое сокращение возможностей для их компромиссного поведения как по отношению к продавцам, так и по отношению к кредиторам. Но у первых и вторых сформировалось поведение, ориентированное на прежний уровень спроса и «уступчивость» контрагента, обеспечивающие уровень доходности, недоступный в новых условиях. Кредиторы и продавцы достигают своего минимального уровня доходности (сформировавшегося в прежних условиях) и тоже переходят от компромиссного поведения к конфликтному. Нежелание продавцов и кредиторов идти на компромисс в изменившихся условиях воспринимается

покупателями как несправедливость обмена и распределения и усиливает их протестное поведение. Таким образом, формируются все признаки конфликта. Инциденты превратили противоречие в конфликт. Общество перешло в состояние кризиса» [с. 493].

Описанный автором механизм образования кризиса, на наш взгляд, отражает определенные поверхностные явления, свойственные экономическому циклу, но не раскрывает его сущности как периодического нарушения и восстановления объективных пропорций общественного воспроизводства, вызванного закономерностями капиталистического накопления.

В то же время представляет интерес использование автором соотношения прироста депозитов и сбережений в качестве показателя, характеризующего состояние экономики. А.А. Задоя пишет: «В каждой экономике формируется определенное соотношение между приростом депозитов и величиной сбережений. По нашим исследованиям, в украинской экономике соотношение, которое соответствует более-менее стабильному развитию, сложилось на уровне 40–45%. Если прирост сбережений становится более 50% – это означает, что масштабы кредитования опережают процессы погашения кредитов и действие денежного мультипликатора увеличивает фактическую денежную массу в обращении. При снижении показателя ниже 40% наблюдается свертывание процесса кредитования и возникновение проблемы погашения кредитов. ... Учитывая несовпадение структуры сбережений и структуры потребительских кредитов, можно утверждать, что проблемы с погашением кредита возникнут уже в том случае, если его сумма превышает 60–70% сбережений. Кредитование свыше реальных сбережений фактически представляет собой построение финансовой пирамиды» [с. 492].

На наш взгляд, приведенные положения А.А. Задоя нуждаются в дальнейшем развитии. Это связано с тем, что источниками кредитования могут быть не только национальные сбережения, но и внешние займы, а также средства, эмитированные в обращение в результате увеличения золотовалютных резервов центрального банка или приобретения им государственных облигаций.

В монографии проявились и различия в понимании авторами закономерностей развития и перспектив современного общества. По этому вопросу высказано немало точек зрения. Остановимся лишь на некоторых из них, на наш взгляд, принципиально различных.

Ряд авторов обращает внимание в основном на «постиндустриальные» тенденции развития современного общества: снижение удельного веса материального производства в численности занятых и в ВВП, повышение роли знаний (информации), сферы услуг, «человеческого», «интеллектуального», «социального», «институционального» и прочих «капиталов», «социальную ориентацию» экономики, ее «смешанность» и т.д. Будущее им видится в дальнейшем эволюционном развитии этих тенденций.

Сторонники такой точки зрения либо полагают, что рыночное регулирование эффективнее государственного планирования и ограничивают вмешательство государства в экономику лишь задачами преодоления «провалов рынка», либо ратуют за оптимальное «сочетание» плана и рынка.

Так, О.Ю. Мамедов считает «аксиомой» неэффективность государственного регулирования в сравнении с рыночным. Он пишет: «...сколько же ещё можно противиться императивам эффективной экономики, ... отрицая неэффективность государственного вмешательства в регулирование рынка, отрицая приоритет свободной торговли, попирая элементарные основы конкурентной организации экономики и не понимая необходимости беспощадной войны с протекционизмом и монополизмом?» [с. 245].

Р.С. Гринберг отмечает: «Сегодня мы присутствуем при смерти двух утопий. Первая – это утопия плана, и вторая – утопия рынка, или гармонии рынка. ... мы должны трудиться над каким-то новым образом мира» [с. 106]. По его мнению, необходимо найти оптимальное сочетание

государства (государственной политики) и рынка при трансформации экономики в рыночную [с. 118–119].

Аналогичную точку зрения отстаивает А.И. Малый [с. 705–719].

Ю.Е. Петруня, полагая, что государство должно выражать общественные интересы, изучает проблему более точного выражения государством интересов общества [с. 742–752].

А.В. Сидорович обращает внимание на следующие тенденции: «В новой системе отношений XXI века переплетение и взаимосвязь субъектов экономики приобретает новое качество, благодаря, во-первых, смешанной экономической системе, и, во-вторых, новой структуре совокупной экономической деятельности, в которой роль материального производства не просто значительно изменяется. Именно нематериальные формы деятельности приобретают новое свойство творческой причины создания богатства. Отсюда формирование целой системы новых категорий, описывающих эти отношения: человеческий капитал, интеллектуальный капитал, социальный и так далее» [с.207].

Ю.К. Зайцев и В.С. Савчук В.С. в современной экономике видят предпосылки для развития новых форм либерализма: «... в условиях динамизации процессов обобществления, социализации и глобализации экономической жизни на планете ... появляются такие принципиально новые институты обеспечения экономической свободы субъекта экономической деятельности, как коллективная собственность, коллективное предпринимательство, различные формы производственной демократии, социальной стратификации» [с. 565–566].

С.Ю. Солодовников видит перспективы общественного развития в эволюционном переходе к «посткапиталистическому». Он полагает, что «... будущее общество, сумевшее преодолеть пороки классического капитализма, будет характеризоваться следующими признаками:

- многоукладностью, с переходом частнокапиталистического уклада из доминирующего в периферийный, с сохранением его высокого предпринимательского потенциала как важного фактора общественного воспроизводства;
- нравственностью, т.е. выдвиганием морали в качестве важнейшего критерия и фактора формирования и развития международных политико-экономических отношений и национальных экономических систем;
- экологичностью, т.е. усилением экологического (природосберегающего) императива в процессах общественного воспроизводства;
- свертехнологичностью, воплощающейся в формировании в реальном секторе экономики 5–6-го технологических укладов» [с. 832].

По его мнению, «переход экономики к «посткапиталистическому» этапу развития не может не сопровождаться становлением новой формы социальной организации общества – посткапиталистического социально-научного общества. ... У класса интеллектуалов формируется новая посткапиталистическая мотивационная система, их нравственные позиции... вызывают эволюцию всей социально-экономической системы общества, делая ее все более нравственной. Мораль, социальный капитал, накопленный на всех уровнях общества, обеспечивают устойчивое развитие, национальную безопасность и высокую конкурентоспособность отечественной продукции» [с. 832].

Другая группа авторов, напротив, обращает внимание на обострение противоречий в развитии современного общества.

Так, В.Г. Бодров пишет: «... в большинстве стран мира ... формируется модель корпоративного государства элитарного благополучия, занимающегося исключительно проблемами

обеспечения сверхвысоких социальных стандартов для небольшой прослойки населения, отождествляемой, как правило, с правящим классом» [с. 684–685].

А.Г. Арсеенко и П.С. Ещенко отмечают: «... капиталистический способ производства исчерпал мирные возможности своего развития. Во избежание ядерного Армагеддона, к которому может прибегнуть капитал ради спасения старого мира, следует отказаться от всех постулатов экономикс, которые завели человечество в исторический тупик, и предложить миру новую парадигму экономического развития. ... Кризис может привести к планетарному социальному катаклизму. Над миром нависла опасность, гораздо более серьезная, чем Вторая мировая война» [с. 568].

Авторы выступают за усиление роли государства в экономике. Ускорение технологического прогресса, по их мнению, «возможно лишь на основе шумпетерианского «созидательного разрушения». В качестве обоснования своих выводов они ссылаются на опыт таких стран, как Китай, Южная Корея, Индия, Вьетнам, Таиланд, Малайзия [с. 577–578].

Те же авторы полагают, что будущей «модели развития» Украины будут присущи следующие черты:

- преодоление необоснованного социального неравенства и обеспечение равных возможностей доступа каждого к науке, знаниям, культуре, творческой деятельности;
- стратегические, научно обоснованные целевые программы и плановые решения, ориентирующие экономику и деятельность каждого человека на новейшие технологии, творческий труд и социальные идеалы жизни;
- развитый и гибкий механизм государственного регулирования, направленный на поиск наиболее эффективных решений и способов достижения поставленных целей;
- национальное государство, власть которого должна предоставлять равные права всем гражданам, защищать их на территориях всех стран» [с. 583].

Необходимо ли для этого вносить изменения в отношения собственности, авторы не указывают; хотя, на наш взгляд, для обеспечения перечисленных выше черт без таких изменений на Украине не обойтись.

Еще более резко похожие взгляды выражены О.Г. Билорусом. Он считает, что новым этапом развития империализма стал «глобализм, или глобимпериализм», который «является специфической формой современного империализма, его новой, сверхвысокой стадией» [с. 929]. «Миросистема глобализма, – пишет автор, – это система абсолютной экономической и политической власти новых глобальных монополистических корпораций, которые вышли из-под контроля наций-государств своего происхождения и базирования. Они маневрируют финансовым капиталом, обращая его на мировом рынке со «скоростью света» и, отказываясь платить налоги, усиливают эксплуатацию многих стран и регионов, в том числе и своих стран» [с. 929]. Новый империализм обладает такими чертами, что, по мнению автора, «мы стоим перед невиданным вызовом человечеству и угрозой его существования. Способно мировое сообщество предотвратить и преодолеть эту смертельную угрозу? Ответ на этот главный вопрос еще не найден» [с. 930]. Как отмечает автор, глобализм «разрушает» «социализацию» ... мировое сообщество может дорасти до социализации, только пройдя через этап глобализма, конфликты и кризисы глобализации» [с. 931]. «На первом этапе, особенно в XXI веке, будут преобладать процессы силовой глобализации со стороны политических и экономических структур стран «золотого миллиарда». Это неизбежно приведет к глубокому кризису глобализма как общественного строя. И только через этот кризис человечество выйдет на путь ноосферного развития. Потому что другого выхода для выживания и развития у него не будет. Общественный строй ноосферизма будет означать коренную трансформацию общественного производства в направлении его интеллектуализации. Институты

собственности, стоимости будут замещены институтами интеллектуальной собственности и интеллектуальной стоимости» [с. 931].

По мнению О.Г. Билоруса, «суверенные нации-государства, если они хотят выжить в условиях нового глобального империализма, могут противопоставить ему только два контраргумента – огромную социальную силу народного предпринимательства в форме малого и среднего бизнеса и конструктивный регионализм в форме высококонкурентных региональных производственно-экономических структур и комплексов» [с. 938]. «Силовая, или насильственная глобализация, – пишет автор, – как угроза национальному суверенитету увеличивает роль национального государства, как механизма противодействия агрессивной глобализма. Только государство может помешать преобразования своих граждан на «глобальных людей». В условиях неуклонного наращивания масштабов и силы глобализма главная задача наций-государств заключается в том, чтобы усиливать внутреннюю интеграцию, которая должна быть сильнее внешнего воздействия и разрушающих ударов глобализации» [с. 944].

Характеризуя общество в постсоветских государствах, включая Россию и Украину, О.Г. Билорус, отмечает: «Вместо рыночной, социально ориентированной экономики в постсоветских государствах создана только декоративная, псевдорыночная экономика грабительского дикого капитализма в интересах олигархии семейных кланов» [с. 946]. Выходом для этих стран, по мнению автора, является «эволюционный, реформаторский путь смены власти через выборы. Главной предпосылкой является пробуждение народных масс, которое уже началось. Очень важно, чтобы народ сам вернул себе и страну, и власть, и государство через борьбу с олигархатом» [с. 951]. О.Г. Билорус считает, что в России и на Украине необходимо решить задачу «реиндустриализации экономики на новой, научно-технической основе ... Для решения этой крупнейшей стратегической задачи нужно поставить развитие науки и технологий на стимулирующую рыночную основу» [с. 952–953].

Автор высоко оценивает труды М.И. Туган-Барановского, в том числе его выводы, которые касаются теории социализма. С позиций Туган-Барановского О.Г. Билорус подвергает критике советский опыт строительства социализма. Он пишет: «Вместо организации объединенного труда народа, стимулирования экономической инициативы и хозяйственной самостоятельности населения молодое социалистическое государство пошло по пути огосударствления земли, раскулачивания крестьянства, создания колхозов крепостного социал-феодалного типа, что привело к голодомору, социальной и трудовой деградации общества как в селе, так и в городе» [с. 957]. Правильным путем для России и Украины, по мнению автора, является эволюционный путь, нахождение и поддержка «рациональных соотношений и пропорций между государством и бизнесом, между властью и бизнесом. Экономика должна быть рыночной, – считает автор, – но социально ориентированной, а государство – социальным, а не олигархическим» [с. 957].

Соглашаясь с характеристиками, противоречиями и последствиями современного империализма, отмеченными О.Г. Билорусом, хотелось бы возразить автору по двум аспектам его позиции.

Во-первых, его оценка советского опыта строительства социализма крайне односторонняя и необъективная, она не учитывает исторических условий и противоречий того периода, двух пережитых войн, а также грандиозных успехов Советской власти, достигнутых как в экономической, так и в социальной сфере.

Во-вторых, предлагая переходить к «социально-ориентированной рыночной экономике», автор противоречит сам себе. Ведь империализм, по его же словам, – это «сверхразвитая» форма капитализма, а «социально-ориентированная рыночная экономика» – это тоже разновидность капитализма, – раз она основана на частной собственности, – но более слабая в сравнении с империализмом (по словам самого автора). Поэтому путь к «социально-ориентированной рыночной экономике» для России и Украины – это путь к дальнейшему усилению «глобимпериализма».

Империализм исчезнет лишь с устранением основы, на которой он вырос, – капитализма, – т.е. с переходом к социалистическому обществу, основанному на общественной собственности на средства производства. Пока сохраняется крупная частная собственность, сохраняется и власть капитала, а «народовластие» остается лишь благим пожеланием.

А.В. Бугалин и А.И. Колганов также описывают противоречия современного капитализма, который находится, по их мнению, «в процессе длительного и противоречивого «заката», ознаменовавшегося ныне глобальной гегемонией корпоративного капитала» [с. 509]. Авторы формулируют характерные черты современного капитализма:

- *«тотальный корпоративно-сетевой рынок («рынок паутин»)»;*
- *«всеобщая власть рынка как господствующей формы координации (и аллокации ресурсов)»;*
- *«переход к рынку, где господствует не покупатель, а тот, кто навязывает ему определенную систему потребностей»;*
- *«развитие глобального обобществления и информационных технологий»; «функционирование денег ... определяется глобальным (общемировым) виртуальным капиталом»;*
- *«тотальное подчинение человека капиталу»* [с. 509–514].

Несмотря на свое господство, *капитал, по мнению авторов, «вызывает к жизни две общественные силы, которые он не может до конца содержательно себе подчинить – обобществление* [в материальном производстве] *и массовую творческую деятельность* [в креатосфере], *требующих* в конечном итоге *решения двух «сверхзадач» будущего общества – планомерности* [производства] *и освобождения* [труда]. Естественно, что обе эти проблемы могут быть решены лишь при условии решения более общей «сверхзадачи» – *разрешения противоречия общества и природы»* [с. 518–519].

Авторы обнаруживают явления, свидетельствующие о «закате» «экономической формации». Они пишут: «Постиндустриальные технологии, доминирование творческой деятельности, новых «ресурсов» (неограниченно-открытых для «потребления» знаний, феноменов культуры) мотивов и ценностей ... – все это проявления «заката» эпохи доминирования материального производства, общественной экономической формации. Этот процесс уже начался в мире, хотя и идет крайне неравномерно» [с. 504–505].

«Содержательно закат экономической формации, – считают авторы, – обнажает следующие важные для социально-экономической теории тенденции. *Смена доминанты: от материальных ресурсов и утилитарных потребностей к культурным ценностям. ... от репродуктивного к творческому содержанию деятельности ... формирование человека, обладающего творческим, культурным потенциалом, новаторскими способностями, становится, с одной стороны, главной задачей, а с другой – главным средством прогресса мира, основанного на творческой деятельности»* [с. 505–508].

Не останавливаясь на более детальном рассмотрении перехода от «гегемонии глобального капитала» к «царству свободы», которое лежит «по ту сторону» материального производства, авторы рисуют картину будущего: «в «царстве свободы» формирование «человека культурного» является своего рода аналогом производства средств производства в «царстве экономической необходимости ... образование и воспитание становятся своего рода «первым подразделением» общественной деятельности в рамках мира культуры. Соответственно, деятельность по созиданию культурных ценностей как таковых, будь то деятельность ученого, художника, социального новатора и так далее – становится своего рода аналогом «второго подразделения»,

созданием непосредственных предметов, которые не потребляются, а распредечиваются в культурном диалоге» [с. 509].

По мнению авторов, переход к «царству свободы» означает не только замену частной собственности на общественную, но и решение задачи **«формального и реального освобождения труда, т.е. не только преодоления всех (в том числе – свойственных «реальному социализму») форм отчуждения, но и развития реально (по своему содержанию – творческая деятельность) свободного труда»**. «Адекватной для такой (творческой) деятельности, – считают авторы, – является система общественных отношений, при которых эта деятельность не может быть отчуждена, подчинена внешним по отношению к ней целям и условиям. По своей сути (саморазвитие творца в процессе создания культурных ценностей путем сотворчества) творческая деятельность не отчуждаема и не может осуществляться в рамках общественного разделения труда» [с. 507].

Социалистическое общество авторы понимают с точки зрения перехода к «царству свободы». Они пишут: «Адекватная для этого система отношений, возможных в ближайшем будущем, предполагает:

- в качестве способа координации – постепенное снятие наиболее современных форм рынка (развивающегося в «коридорах», обозначенных экологическими, социальными и т. п. нормативами), и развитие на базе международного обобществления и информационных технологий демократического контроля, регулирования и планирования, частично уже апробированных в рамках быстро растущего в глобальном мире архипелага «экономики солидарности»;
- в качестве отношений собственности – сосредоточение основных прав собственности в руках трудящихся и граждан, представляемых своими демократическими институтами...; преодоление на этой основе отчуждения работников от основных функций собственника ... в рамках различных форм собственности трудящихся ... при общенародной собственности на природные ресурсы и общенациональную инфраструктуру, всеобщей (общедоступной) – на интеллектуальные продукты и услуги образования; развитие социализма станет, следовательно, возможно по мере вытеснения отношений собственности, предполагающей капиталистическое и/или государственно-бюрократическое отчуждение работников;
- в качестве основных механизмов распределения и мотивации – соединение отношений нормативного распределения по труду и рынка с обеспечением гарантированного социального минимума и максимума, максимальной поддержки постэкономических стимулов (свободное время, творческий труд), демократического контроля снизу за распределением и «выдавливания» нетрудовых доходов (от капитала, собственности, бюрократических привилегий и т. п. через прогрессивное налогообложение и другие механизмы); предпосылкой же равноправия граждан станет общедоступность знаний, образования, культуры, здравоохранения, спорта» [с. 521].

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов подвергают критике теорию и практику социализма в СССР, полагая, что «советская модель» социализма была «тупиковой», планомерность в СССР – «бюрократической», не было преодолено отчуждение трудящихся от результатов труда [с. 523]. Свои же взгляды они обозначают как «неомарксизм».

Картина будущего «царства свободы», в котором «творческая личность (креатор)» настолько свободен, что «творит» даже независимо (!) от общественного разделения труда, конечно же, небезынтересна. Однако на главный вопрос – каким образом произойдет переход от «гегемонии глобального капитала» к этому идеальному обществу и через какие этапы – авторы не дают ответа.

Если же оставаться на почве марксизма, то следует признать, что путь к социализму неизбежно лежит через классовую борьбу наемного труда и капитала. В этой борьбе первым важным этапом является смена классового характера государства, т.е. социальная революция, а затем – длительный переходный период, в котором созидание новой системы производственных отношений идет посредством классовой борьбы вплоть до полного преодоления социального неравенства. В ходе классовой борьбы возможны не только победы сил социализма, но и их поражения. И состояние общества в переходный период, разумеется, не совпадает с идеальной картиной «царства свободы». В нем неизбежно сохраняется государственное принуждение («несвобода») и почва для бюрократизма в государственном аппарате.

Теория социализма сегодня, на наш взгляд, должна ответить, прежде всего, на вопросы о том, при каких предпосылках власть «глобального капитала» будет заменена властью «трудящихся», каким образом это может произойти, через какие этапы будет проходить процесс становления общественной собственности на средства производства и планомерной организации хозяйства. А фантазирование насчет «царства свободы», думается, сродни домарксистским социальным утопиям XVI – начала XIX вв.

Негативную оценку социализму в СССР дает и другой автор монографии, тоже сторонник социализма М.И. Воейков. Он пишет: «в строго научном смысле назвать «советскую экономическую систему» социалистической, а тем более, коммунистической не представляется возможным. Ибо эта система, кроме некоторых внешних параметров и элементов (равенство, экономическое планирование, распределение не по капиталу и т. п.), не соответствовала по многим важнейшим пунктам классическим представлениям о социалистическом обществе: преодоление отчуждения, ликвидация эксплуатации, свобода и демократия больше, чем формальные, социальная справедливость и фактическое равенство и т.п.» [с. 293]. Автор считает, что «социализм может «победить» только в самых экономически развитых странах и в силу транснационального характера современного производства, что сегодня стало совершенно очевидным, в целом ряде стран одновременно как взаимосвязанный процесс. ... то, что было в России, логически никак не связывается с марксистским социализмом» [с. 293].

Думается, М.И. Воейков, как и предыдущие авторы, игнорирует тот факт, что установление власти трудящихся и строительство социализма шли в нашей стране в условиях тяжелейшей классовой борьбы, как с внутренними, так и с внешними силами. Огромные потери людских и материальных ресурсов в войнах – «горячих» и «холодных», значительное историческое отставание в экономической мощи – в условиях ожесточенной борьбы мирового капитала с силами социализма – сыграли в конечном счете решающую роль в нарастании деформаций социализма и его поражения в нашей стране. Перепрыгнуть из капитализма в некое идеальное социалистическое общество, минуя классовую борьбу, перегибы, жертвы, потери и прочие негативные явления, в СССР не удалось и вряд ли кому-то удастся, даже в наиболее развитых странах. Что же касается основоположников марксизма, то они, как известно, неоднократно подчеркивали, что коммунистическое общество, рождаясь из общества буржуазного, на первой своей стадии неизбежно сохраняет «родимые пятна», «отпечатки» старого общества, что требуется длительный период преодоления социального неравенства и другого «наследия» капитализма. Не отрицали они и возможность поражения социализма в той или иной стране, рассматривая переход к социализму как целую эпоху, а не единовременный акт появления на свет некоего идеального общества.

Теории социализма посвящена и глава монографии, написанная В.К. Лебедевой. Автор считает, что с развитием «автоматизированного технологического способа производства, робототехники» специализация работников должна смениться их разносторонней технической подготовкой, «парадигма разделения труда, исчерпав себя, должна уступить место новой актуальной парадигме перемены деятельности» [с. 284].

По мнению автора, «реализация перемены деятельности в общественных масштабах потребует перехода к новой плановости, при которой производство каждого товара будет осуществляться для заранее известного потребителя и, таким образом, общественная необходимость труда будет удостоверяться не апостериорно по отношению к производственному процессу, а априорно ему. Экономика, работающая не ради прибыли, а непосредственно для удовлетворения человеческих потребностей, станет отрицанием современной рыночной экономики ... Трансформация отношений собственности должна осуществляться в направлении приоритета собственности информационно связанных ассоциаций производителей, совместно планирующих свою деятельность и регулирующих распределение общественного рабочего времени по видам деятельности в сетевой системе экономических ресурсов, в том числе, трудовых» [с. 284].

В.К. Лебедева делает вывод: «Историческое и логическое триединство разделения труда, частной собственности и рыночного хозяйства уступит место историческому и логическому триединству перемены деятельности, общественной собственности и планомерно организованному производству» [с. 285].

Оригинальное обоснование преимуществ социализма перед капитализмом приводит С.С. Губанов. Автор пишет: «Капитализм есть общественно-экономический строй, затратный и расточительный в силу самой своей эксплуататорской сущности. Он требует сокращения затрат только необходимого труда и всемерного увеличения затрат прибавочного труда, ибо прибавочная стоимость и прибыль есть не что иное, как овеществленное количество затраченного прибавочного времени наемных работников. С позиции классической трудовой парадигмы всякая прибыль суть затратна, более того – тождественна прямой и косвенной убыли здоровья и жизни людей. В пореформенной России бесчеловечная природа частной прибыли подтверждается на практике с регулярностью и безжалостностью неумолимо движущегося конвейера катастроф, крушений, загрязнений и выбросов вредных веществ, пищевых отравлений, социальных конфликтов, кровавых преступлений, словом – конвейера депопуляции страны. ... Планета Земля физически не выдерживает теперь бесчеловечного молоха под названием «капитал», посылая человечеству все более и более драматические сигналы о грозящем уничтожении планетарных условий существования жизни и живого. Либо жизнь капитала и смерть планеты, либо жизнь планеты и смерть капитала – так ставит современная реальность вопрос об исторической ограниченности капитализма. Этот вопрос перестал быть чисто академическим и отвлеченным, ибо превратился, по сути, в вопрос о жизни и смерти человечества» [с. 609, 585].

Автор приводит и обосновывает основной тезис своей главы: «На смену капиталистическому присвоению история prepares **производительно-трудовое, приведенное в прямое соответствие с требованиями закона экономии времени**» [с. 601].

С.С. Губанов выделяет три формы присвоения: 1) «затратно-трудовое», пропорциональное затратам труда, свойственное простому товарному производству; 2) присвоение по капиталу, свойственное капитализму; 3) посткапиталистическое, «производительно-трудовое», т.е. пропорциональное производительности труда [с. 593–601].

Как считает автор, с точки зрения соответствия закону экономии рабочего времени, «затратно-трудовой способ присвоения стоит ниже капиталистического, а последний, в свою очередь, стоит гораздо ниже производительно-трудового, будучи отсталым и непрогрессивным по отношению к нему» [с. 601].

В качестве доказательства несоответствия капиталистического присвоения закону экономии рабочего времени автор приводит следующие аргументы: «... экономия труда подчиняется капиталом сокращению затрат необходимого труда ради увеличения затрат прибавочного. ... капитализм не отбросил затратно-трудовой способ распределения, а поставил себе на службу. С его помощью, т.е. пропорционально затратам живого труда, капитализм устанавливает заработную

плату наемных работников. Сокращение трудоемкости влечет для наемных работников понижение сдельных расценок и почасовых ставок оплаты. Поэтому повышение производительности труда в такой же мере невыгодно наемным работникам... при увеличении производительности своего труда они получают меньше, чем производят. ...если для отсталых по своему строению капиталов выгодно тянуться к передовым, то для последних невыгодно становиться еще более передовыми, зато выгодно блокировать прогресс отсталых и препятствовать росту их технического строения. ... капитализм не знает прямых стимулов к прогрессу производительных сил и довольствуется только косвенными, окольными, побочными. Прогресс движется лишь постольку и в той мере, в какой служит накоплению стоимости и возрастанию капитала. ... стоимость, в том числе вновь созданная, понижается по мере роста реальной производительности труда, по мере реального прогресса производительной силы общества. Вследствие этого капитализм ставит в непримиримое противоречие производительность труда и стоимость. Данное противоречие может быть разрешено только заменой капиталистического присвоения производительно-трудовым. При капитализме оно неразрешимо ... Объективные ограничения коренятся в самом антагонизме между трудом и капиталом, в антагонизме между классовыми интересами наемных рабочих и капиталистов. Рост производительности общественного труда понижает стоимость, как товаров, так и применяемого капитала, подразделяемого на постоянный и переменный. Под действием растущей производительности понижается также стоимость рабочей силы. ...Но пока рабочая сила остается на положении товара, ее носители не заинтересованы в уменьшении ее стоимости. ... Исходя из своих экономических интересов, взятых в специфически капиталистической оболочке, наемные рабочие не столько содействуют, сколько противодействуют тому, чтобы прогресс производительной силы общества напрямую и в соразмерной пропорции становился приростом производительности общественного труда. ...Поскольку в ходе капиталистического присвоения от работников отчуждаются и условия, и результаты их труда, у них нет и не может быть прямой заинтересованности в развитии реально достижимой производительности труда» [с. 601–609].

Присвоение же пропорционально производительности труда, по мысли автора, непосредственно отвечает закону экономии рабочего времени, «содержит в себе как раз прямые стимулы к трудосбережению и прогрессу, к непрерывной экономии рабочего времени. ...Общество, основной закон которого предписывает накопление экономии живого труда, а соответственно – действие производительно-трудового способа присвоения, будет напрямую заинтересованным в абсолютном и безостановочном прогрессе трудосбережения, в безграничном развитии своей производительной силы» [с. 612]. «Но и такое общество, – считает автор, – еще не вершина социально-экономического прогресса. Оно стоит выше капиталистического, и тем не менее также является всего лишь переходным к исторически самому высшему. На вершине формационного прогресса история поставит такое общество, которое живет по закону свободного времени как по основному своему экономическому закону, регулируется нормой свободного времени, имеет своим экономическим базисом общественное воспроизводство, а значит и накопление свободного времени как времени, расходуемого на превращение науки в непосредственную производительную силу общества» [с. 612].

Характеризуя ближайшее будущее, С.С. Губанов считает, что «в передовых индустриальных странах оно характеризуется все более явственным вступлением на исторически последнюю стадию развития капиталистической формации – стадию государственного капитализма. Начала и отношения госкапитализма будут укрепляться с каждым новым кризисом, распространяясь вширь и вглубь. А госкапитализм означает не что иное, как первое отрицание капитализма, вырастающее еще в недрах капиталистического базиса. За первым отрицанием в скором времени последует второе, уже решительное и бесповоротное. Норма прибыли канет в прошлое, уступив господство норме свободного времени человека».

Оценивая критику капиталистического присвоения С.С. Губановым как в целом достаточно обоснованную, все же хотелось бы отметить, что его концепция присвоения по производительности

труда, на наш взгляд, недостаточно проработана. Не совсем понятно, как это присвоение соотносится с распределением по труду – одним из основных принципов распределения в социалистическом обществе, является ли распределение по труду «затратно-трудовым»? Не ясно, как автор предполагает соизмерять производительность труда работников, занятых качественно различными видами деятельности. Должны ли коэффициенты пропорциональности производительности труда быть одинаковыми для всех видов деятельности или дифференцированными? Если дифференцированными, то как они должны устанавливаться? Неясно и то, как должно происходить присвоение работниками, занятыми не в сфере производства, а оказанием услуг. Должны ли коэффициенты пропорциональности учитывать качество услуг, каким образом?

Ряд авторов монографии предлагает меры по возрождению российской экономики. Наиболее детально проработанные и системные меры содержатся в главе, написанной С.Ю. Глазьевым [с. 79–104]. Они нацелены на достижение опережающего технико-экономического развития России и охватывают все основные факторы, способные ускорить этот процесс: от науки и образования до производства наукоемкой продукции и функционирования денежно-кредитной системы. Предлагаемые меры означают значительное повышение роли государства в экономике в разных формах: от мер стимулирования до стратегического планирования и прямого участия в финансировании экономики. Автор подчеркивает необходимость существенного изменения государственной экономической политики, поскольку, как он пишет, «в рамках прежней либеральной и монетаристской макроэкономической политики реальная антикризисная стратегия выработана быть не может. Задачи преодоления кризиса невозможно, как показывает мировая практика, решить только через свободный рынок капиталов, тем более такой маргинальный как наш» [с. 89].

Комплекс мер, разработанный С.Ю. Глазьевым, на наш взгляд, при его реализации смог бы существенно улучшить положение в российской экономике.

Необходимость государственного стратегического планирования для решения задач освоения шестого технологического уклада подчеркивает и другой автор монографии Б.Н. Кузык [120–137], с чем трудно не согласиться.

Важнейшее значение в развитии современной экономики играют инновации. Ускорению инновационных процессов посвящены главы, написанные Ю.Н. Бажалом [с. 851–864], В.П. Вишневым и В.В. Дементьевым [с. 865–884]. Авторы выступают за повышение роли государства в развитии инновационной деятельности.

Оригинальный проект изменения государственной экономической политики предлагает В.Л. Макаров. В современном обществе он выделяет «следующие социальные кластеры:

- 1) Соцкластер предпринимателей, или деловых людей.
- 2) Соцкластер военных (защитников Отечества).
- 3) Соцкластер госслужащих (служителей Отечеству).
- 4) Соцкластер ученых, учителей, врачей.
- 5) Соцкластер представителей культуры и искусства.
- 6) Соцкластер священнослужителей» [с. 777].

По мысли автора, в «**соцкластер предпринимателей или деловых людей**» «входят не только деловые люди, ...но и те, кого мы называем наемными работниками в этом самом предпринимательском секторе. Наемные работники могут и не иметь духа предпринимательства. Они просто зарабатывают деньги в этом секторе. Им не важно, где работать, главное зарабатывать

побольше. Следует иметь в виду, что наемные работники могут быть и в других социальных кластерах. Там они могут получать различные ранги в зависимости от успешности деятельности» [с. 777].

Автор считает, что «в настоящее время в мире (но не в России) лидерство захватил соцкластер предпринимателей. При лидерстве этого соцкластера можно выделить одну особенность... Речь идет о повышенном уровне агрессивности, стремлении подчинить себе другие соцкластеры». В результате, как полагает автор, другие «соцкластеры» коммерциализируются и начинают уходить от достижения тех целей, для которых созданы [с. 778–780].

Для преодоления этих негативных тенденций В.Л. Макаров считает необходимым обеспечивать «принцип равноправия социальных классов» [с. 780]. Для его соблюдения автор предлагает перейти к «проектной экономике», построенной на «рационализации распределения благ» [с. 780–798]. По мысли автора, это позволит создать условия, при которых людям разных социальных кластеров при выполнении их миссии будет гарантирована достойная жизнь и они не будут «стремиться к зарабатыванию денег».

Как считает автор, проекты, по которым должна функционировать экономика, «должны гарантировать выполнение и обеспечение норм, положенных всем рангам соцкластеров. ... исполнителям проекта прописываются в самом проекте поощрения всех типов, зависящие, естественно, от качества результатов... Общество устанавливает нормативы потребления для всех рангов во всех соцкластерах, за исключением предпринимательского, в котором, как предполагается, формальных рангов не имеется» [с. 787].

В.Л. Макаров подробно описывает механизм предлагаемой им «проектной экономики». Он ожидает, «что наибольшее значение индекса счастья обеспечит соцкластерное общество, естественно, с тщательным учетом особенностей каждой страны» [с. 798].

Думается, что предложенный автором проект так и останется проектом, поскольку деление автором людей на «соцкластеры» игнорирует их классовые различия и противоречия интересов, а роль государства, – как и его возможности по проектированию развития экономики и рациональному распределению, – идеализируется.

В то же время другой автор монографии А.Е. Худокормов выражает некоторый скептицизм относительно позитивной роли государства в экономике России. Он пишет о полемике, «разгоревшейся в отечественной литературе между «государственниками» (С. Глазьев, Г. Фетисов и др.) и нераскаившимися «ультрарыночниками» (А. Кудрин, С. Гуриев, В. Мау, Е. Ясин). Которое из направлений лучше? По нашему мнению, «оба хуже», ибо дело не в том, у кого больше провалов – у российского рынка или российского государства. Дело в общей негодности российской элиты. И пока она остается такой, как сейчас, нам с нефтяной иглы не соскочить и в макрорегион научно-технического прогресса не вступить. С сегодняшним качеством элиты мы в мировом хозяйстве останемся на вторых, а, возможно, и на третьих ролях, причем, как с экономикой огосударственной и квазиплановой, так и с экономикой сугубо рыночной и антиэтатистской» [с. 60].

По нашему мнению, точка зрения А.Е. Худокормова не лишена истины. Пока власть сращена с крупным капиталом и обслуживает его интересы, – как это имеет место в современной России, – ждать серьезных изменений в векторе развития страны не приходится. Для подлинного возрождения России, на наш взгляд, необходимы подлинное народовластие и государственное планирование экономики в интересах большинства народа.

Соотношение власти и собственности исследуется в главе, написанной Р.М. Нуреевым. Автор пишет: «Собственники факторов производства и бюрократическая и военная машина образуют ...

нерасчлененное целое. Не экономическая сфера определяет политическую, а политическая экономическую» [с. 720]. По мнению автора, в современной России «благополучие отдельных представителей господствующего класса всецело зависело от их места в иерархии государственной власти, от той должности, которую им удалось получить, продвигаясь по служебной лестнице... не власть определяется собственностью, а собственность властью, т.е. положением человека в государственной иерархии ... Происходит трансформация института выборов, появляются черты авторитарного режима, когда власть концентрируется в одних руках. Ограничивается конкуренция и усиливается политический и экономический монополизм. Эти тенденции не только сохранились, но заметно усилились в последние годы» [с. 741]. Свои выводы автор обосновывает с помощью анализа результатов выборов в России.

На наш взгляд, сращивание власти и крупной собственности в России налицо. Крупная собственность сформировалась непосредственно в результате решений, принимаемых государством. Однако в настоящее время во взаимодействии власти и собственности все же определяющую роль играет крупная собственность. Ее интересам в основном подчинены основные решения власти, а не наоборот, не деятельность крупного капитала продиктована государственными интересами. Это проявляется во множестве фактов: непрекращающийся гигантский отток капитала, «посадка» России на «газонефтяную иглу», содержание налогового и трудового законодательства, урезание бюджетной сферы и т.д.

Несомненный интерес представляют результаты исследования долгового характера современной экономики, проведенного К.А. Хубиевым. Автор выделяет следующие особенности современных кредитных отношений: «К началу XXI века долг из отдельного «агента сопровождения» превратился в существенный фактор, как роста экономики, так и ее кризисных явлений, в том числе и глобальных. Во-первых, последний финансовый кризис получил специфику долгового кризиса. ... Во-вторых, резко возросли его масштабы... его неуклонный рост за последние годы. В-третьих, кредиторами развитых стран стали относительно менее развитые страны. ... долг как экономическое явление превратился в существенную черту современной экономики, т.е. из производного явления он «ушел в основание» экономической системы, определяя важные черты воспроизводственного процесса. В этой связи современную экономику можно характеризовать как долговую» [с. 613–614].

Анализируя причины долгового кризиса, характерного для достаточно большого числа стран, автор приходит к выводу: «Долговой кризис является следствием экономического кризиса. ... Именно экономический кризис и, в особенности его фаза спада производства, резко сокращает возможности для выполнения долговых обязательств. ... к причинам долгового кризиса, следует отнести социально деформированное распределение доходов... Государственный долг в данном случае выступает компенсатором асимметричного распределения национального дохода и причиной долгового кризиса». В связи с социально деформированным распределением автор указывает и на «противоречие между производством и потреблением как одну из главных причин кризиса, в том числе и долгового» [с. 628]. К.А. Хубиев также анализирует «структурную перестройку экономики под воздействием долга». Он пишет: «В зависимости от того, куда будет направлен этот специфический по источникам спрос [долг – Н.В.], будет зависеть изменение отраслевой структуры экономики. Если государство предъявляет спрос за счет долга на военную продукцию, импульс развития получит ВПК. Если государство предъявит спрос на развитие экономической инфраструктуры (дороги, порты, электричество, газ и т.д.), то создаются условия для развития гражданских отраслей. Если через долги повысится спрос населения на потребительские товары, то, соответственно будет развит потребительский сектор. Самым важным для инновационного развития экономики и ее модернизации является направление активов долгового происхождения на источники новых технологий» [с. 630].

В связи с долговым кризисом, – считает автор, – «возникает вопрос о критическом пороге нависания финансового сектора над реальным, когда последнему окажется непосильным давление груза опережающего развития рынка вторичных активов» [с. 630]. Вместе с тем К.А. Хубиев обращает внимание на следующий небезынтересный факт: «За счет долгов вся Европа в существенной степени подняла уровень жизни, провела модернизацию экономики (в отличие от многих других стран, которые и долгов не имеют, но имеют более низкие стандарты жизни и технологии). Благами жизни взаимы пользовались все, а расплачиваются некоторые» [с. 633].

На наш взгляд, интерес читателей могут вызвать и содержащиеся в монографии результаты исследований проблем международной миграции (авторы – И.М. Ильтьо, Б.В. Ференс, В.Я. Шибко) [с. 836–840]; вопросов детенизации экономики (И.И. Мазур) [с. 841–850]; взаимосвязи экономического развития и демографических процессов (В.В. Белоцерковец) [с. 885–912]; а также новаторские подходы, проявленные О.И. Ананьиним при анализе соотношения теоретической и прикладной науки [с. 248–276]; Е.А. Завгородней, предлагающей новое научное направление – неосологию [с. 913–928].

Выше мы остановились далеко не на всех вопросах, обсуждаемых в рецензируемой книге, и позициях ее авторов, а только на тех, которые сочли наиболее важными. Целый ряд точек зрения, подходов, постановок проблем, содержащихся в монографии, остались за пределами данной рецензии. В своих оценках мы не претендуем на истину в последней инстанции, хотя и сочли необходимым их высказать. Надеемся на развитие полемики по рассмотренной проблематике.

В целом рецензируемую монографию можно охарактеризовать как зеркало, отражающее широчайший спектр современных политэкономических разработок, ведущихся на Украине, в России, Белоруссии и Казахстане. Мы рекомендуем ознакомиться с ней всем, кого интересует современное состояние разработки теоретических проблем экономической науки в этих странах.

ОПЫТ ОАО «ГАЗПРОМ» ПО УПРАВЛЕНИЮ КРУПНОМАСШТАБНЫМИ ИНВЕСТИЦИОННЫМИ ПРОЕКТАМИ

Владимиров Сергей Арсеньевич

доктор экономических наук, профессор. Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кафедра общего менеджмента и логистики, действительный член РАЕН

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: ideal_ideal@mail.ru

Общепризнанна потребность во всеобъемлющем описании теории и практики управления инвестиционными проектами с учетом мирового опыта крупных корпораций, осуществляющих реализацию крупномасштабных, высокотехнологичных проектов и программ, а также требований международных стандартов на основе системных подходов к определению их объективной стоимости и социально-экономической эффективности с привлечением иностранных инвестиций. Введение рациональных цен в строительстве, оптимизация на их базе уровня капитальных вложений критически важны в естественных монополиях России, являющихся крупными инвесторами и застройщиками, в частности, для нефтегазового сектора экономики. Особенно остро названные проблемы встанут при реализации крупномасштабных высокотехнологичных инвестиционных проектов в труднодоступных и малонаселенных регионах, особенно на полуострове Ямал, Восточной Сибири и Дальнем Востоке, полуострове Камчатка и острове Сахалин, в которых длительное время остро ощущается недостаток рабочей силы, доминируют сложные природно-климатические и другие условия осуществления строительства.

На разрешение данных проблем и нацелена рекомендуемая мною книга¹. Первое издание её – результат уникальной пятнадцатилетней деятельности авторского коллектива (Резниченко В.С. Ананенков А.Г., Чугунов Л.С., Ленинцев Н.Н., Ким А.И., Павлов В.В.), возглавляемого вице-президентом Российской инженерной академии, советником Российской академии архитектуры и строительных наук Резниченко В.С., – явилось крепким фундаментом для удовлетворения именно этой потребности. Широкое признание и использование первого издания справочного пособия в практике управления инвестиционной деятельностью многих корпораций служит доказательством того, что оно выполнило свою задачу.

Во втором издании сохранена общая структура книги. Книга состоит из двух разделов. В первом ее разделе рассматриваются основы управления инвестиционными процессами, включающей как методологию управления проектами (объекты управления), так и методологию управления инвестиционной деятельностью корпорации и ее дочерних обществ (субъекты управления), включая их организационную структуру. Второй раздел книги посвящен практическим рекомендациям по совершенствованию практики управления инвестиционными процессами с описанием корпоративных регламентов, методик, норм и нормативов, которые

¹ Система управления разработкой и реализацией инвестиционных проектов и программ в корпорации и её дочерних обществах: справочное пособие для специалистов. – 2-е изд., доп. и перераб. / под общ. ред. проф. А.Г. Ананенкова и В.С. Резниченко. – М.: Издательство «Спутник+», 2015. – 518 с.

могут использоваться корпорациями для повышения эффективности своей деятельности. Указанные рекомендации учитывают передовой мировой опыт и современное российское законодательство.

Во втором издании книги рассматриваются, во-первых, предложения по совершенствованию российского законодательства в области управления инвестиционными процессами и, во-вторых, приведению существующей практики инвестиционно-строительной деятельности в соответствие с действующими руководящими документами. **Второе издание книги дополнено четырьмя новыми главами, а старые главы переработаны и обогащены новыми современными материалами, в том числе по реализации новых инвестиционных проектов и программ.** Это позволило отразить дополнительный опыт, накопленный за прошедшие годы топ-менеджерами высшего звена, руководителями функциональных подразделений корпораций и ее дочерних обществ, а также менеджерами конкретных инвестиционных проектов, входящих в соответствующие команды. **В частности, во втором издании книги рассмотрены следующие новые аспекты:**

1. Более глубоко рассмотрен системный подход по декомпозиции системы управления инвестиционными процессами, прежде всего, по декомпозиции системы управления инвестиционной деятельностью корпорации и ее дочерних обществ. Разработанная декомпозиция системы легла в основу обоснования предлагаемой прикладной информационной системы для повышения эффективности управления инвестиционными процессами, совершенствования организационной структуры управления инвестиционной деятельностью корпорации и решении других актуальных вопросов.

2. Впервые рассмотрена методология и практика совершенствования организационных структур корпораций и их дочерних обществ, направленные на повышение эффективности их инвестиционной деятельности. Рассмотрены различные варианты оптимизации организационных структур корпораций и их дочерних обществ, особое внимание при этом уделено развитию матричной структуры управления, разработке и соблюдению нормативов управляемости.

3. Отдельная глава книги посвящена методологии создания эффективных информационных систем для совершенствования управления инвестиционной деятельностью корпораций и их дочерних обществ. При этом главное внимание уделено не столько оптимизации выбора информационной платформы, сколько глубине решения прикладных функциональных задач и унификации циркулируемой в системе управления технико-экономической информации (документооборота). Применен системный подход увязки функциональных прикладных задач на основе унифицированного для корпораций и их дочерних обществ информационного обеспечения, базирующегося на единой системе классификации и кодирования технико-экономической информации.

4. Отдельная глава книги посвящена методологии обоснования достоверности, необходимой точности и преемственности инвестиционных расчетов на всех стадиях жизненного цикла инвестиционных проектов. Новизна предлагаемых подходов и моделей заключается в том, что они позволяют существенно повысить точность сметных, плановых и других инвестиционных расчетов, обеспечивающих возможность перехода на твердые договорные цены, более аргументированное формирование инвестиционных и подрядных договоров. При этом особый акцент сделан на методологию разработки и реализации крупномасштабных высокотехнологичных инвестиционных проектов, осуществляемых в труднодоступных регионах РФ со сложными природно-климатическими условиями, особенно при реализации инвестиционных проектов нефтегазовой промышленности. Важно отметить, что предлагаемые механизмы обеспечивают большую сходимостью проектно-сметной информации с планово-договорной, что соответствует передовому мировому опыту и позволяет сделать эффективный шаг вперед в отечественной практике, где сметные и плановые показатели зачастую существенно отличаются, особенно на предварительных

стадиях проектирования и годового (двух-, трехлетнего) планирования инвестиционной деятельности корпорации.

5. Более глубоко рассмотрена глава о порядке ценообразования и определения затрат по инвестиционному проекту в целом и стоимости строительной продукции в частности для различных стадий инвестиционных расчетов. Рассмотрены механизмы повышения обоснованности, точности и преемственности сметных расчетов и формирования укрупненных удельных показателей стоимости строительства для различных объектов-представителей, регионов РФ и условий строительства. Приведены современные, обновленные удельные стоимостные показатели (в ценах 2010 года) строительства наиболее капиталоемких нефтегазовых объектов для большинства регионов РФ.

6. Более подробно рассмотрен полный жизненный цикл инвестиционного проекта, включая преинвестиционные и предпроектные работы, финансирование (с переводом проекта в инвестиционную фазу), проектирование и строительство объектов производственного назначения. В этой связи даны рекомендации по совершенствованию российского законодательства, в особенности, по производственно-экономическим вопросам при реализации крупномасштабных инвестиционных проектов, а также приведению практической деятельности участников инвестиционного проекта, инвесторов, застройщиков, заказчиков и подрядчиков капитального строительства в соответствие с руководящими нормативными документами.

7. Отдельный материал посвящен особенностям ценообразования по крупномасштабным и территориально удаленным стройкам, включая актуальные вопросы проектирования, ценообразования, строительства, регистрации, эксплуатации, налогообложения и учета временных зданий и сооружений, на примере нефтегазового строительства, в особенности при сооружении магистральных трубопроводов и обустройстве нефтегазоконденсатных месторождений.

В книге показано, что эффективное управление проектами и деятельностью корпораций в инвестиционной сфере требует, во-первых, отказа от некоторых старых привычек и методов управления и перехода на новые способы достижения поставленных целей в срок и в рамках рационального бюджета. И, во-вторых, обеспечение рационального бюджета и минимизации затрат на реализацию инвестиционных проектов могут быть достигнуты на основе дальнейшего совершенствования инвестиционной деятельности корпораций в синхронизации с реформированием экономики и социальной сферы страны в целом. Экономические и другие интересы работников корпораций и ее дочерних обществ должны быть направлены на повышение эффективности ее деятельности (в том числе увеличение прибыли), а не на увеличение затрат, как зачастую это происходит в настоящее время в отдельных отечественных корпорациях.

Новые подходы, изложенные в книге, проиллюстрированы на материалах реальных инвестиционных проектов, что выгодно ее отличает от книг, в которых представлена только теория и методология разработки и принятия инвестиционных и других управленческих решений. Вместе с тем для крупномасштабного внедрения предлагаемых в книге инноваций, как показывает многолетний практический опыт, необходим анализ и систематизация инвестиционной деятельности конкретной корпорации, а также осуществляемого в ней документооборота, с разработкой проектной документации поэтапного перевода ее деятельности на предлагаемую инновационную систему.

Авторы рассматриваемой книги выразили большую признательность руководству и специалистам ОАО «Газпром» и его дочерних обществ, руководителям крупных научных школ профессорам А.А. Гусакову, В.М. Васильеву, Л.С. Андрееву, авторитетным в мире ученых и практиков профессорам Ю.П. Баталину, С.Н. Булгакову, П.Г. Грабовому, В.М. Серову за результаты совместной работы, которые учтены при подготовке книги.

В заключение можно порекомендовать авторам книги следующие направления дальнейшей работы:

- при заключении подрядных договоров и установлении договорных цен – учитывать подсистемы корпоративного лимитирования отдельных видов затрат как основу для оптимизации планов капитальных вложений;
- проблемы снижения стоимости крупномасштабного строительства решать в основном за счет повышения эффективности конкурсного отбора инвесторов, подрядчиков и поставщиков ресурсов и оборудования.

Некоторые предложения по определению содержания предложенной авторами инновационной системы управления инвестиционно-строительными проектами и программами на всех стадиях инвестиционного процесса являются дискуссионными и требуют проведения дальнейших исследований.

Высказанные замечания и пожелания не снижают достоинств рецензируемой книги. В целом она представляет собой уникальный вклад в решение научных и практических проблем ценообразования и управления стоимостью строительства для современной России, а также повышения эффективности планирования капитального строительства и управления инвестиционными проектами. Книга будет полезна работникам органов государственного управления, научных, проектных, строительных, снабженческих и других организаций, занятых в сфере инвестиционно-строительной деятельности, а также профессорско-преподавательскому составу вузов, аспирантам и студентам.

ОТВЕТ НА ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Алиев Урак Жолмурзаевич

доктор экономических наук, профессор. Образовательная корпорация «Туран», вице-президент, действительный член Академии философии хозяйства, президент Академии Metaepistemia Universum г. Астана, Казахстан. E-mail: turpost@list.ru

У казахов есть пословицы: «Барымтаға – қарымта» и «Алаған қол – береген», которые переводятся примерно так: «Берущие руки и дающие», «Дару – отдар» или «На дар – отдар» (почти как политэкономически). Так вот, я и моя семья искренне благодарны Всем Вам за поздравления с Новым годом, а также с моим рубежным 70-ти летием (кто очно, а кто заочно по эл.почте).

Будьте здоровы, до скорых встреч на наших очередных форумах и на страницах эл.почты.

Еще раз со Старым Новым Годом!

Всегда Ваш Урак Алиев.